

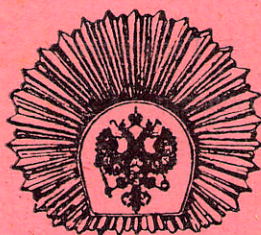
№ 10

ИЮЛЬ 1954 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 3 - й

ВОЕННАЯ СЛОВА

LE PASSE MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Почетный Председатель Великий Князь ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ и все чины Обще-Кадетского Объединения извещают, что в воскресенье 20 июня, после Литургии и Крестногохода, на могиле кадета Бориса Приходкина была отслужена Панихида по

Великом Князе КОНСТАНТИНЕ КОНСТАНТИНОВИЧЕ

и всем кадетам Российским, за Веру, Царя и Отечество павшим и в мире скончавшимся

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Великий Князь в Полтаве — М. Шереметев...	1
Фарфоровая кокарда (продолжение) — Евге- ний Яконовский	4
Походы и экскурсии в корпусе — М. Зайцев...	6
Мойра — Н. М.	7
Суворова — победам — П. Рерберг	8
На закате (продолжение) — М. фон-Кубе	10
Юнкер Эймелеус — Г. Танутров	13
На Московских бегах — А. Ветлиц	14
Русская военная медалистика — В. фон-Рихтер.	17
Честная книга — М. Георгиевич	19
«Монах» — Б. Николаев	20
Кадетская жизнь	III
От Редакции	III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ЧЕТЫРЕ НОМЕРА во Франции и европейских странах — 700 Франков с пересылкой.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 59, Avenue des Ternes, Paris (17).

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, A. Guering.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 59, AVENUE DE TERNES, PARIS (17°).

3-й год издания.

№ 10 ИЮЛЬ 1954 Г.

Prix — 170 fr.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ В ПОЛТАВЕ

От Редакции. После скончавшегося в Тунисе полковника М. Н. Шереметева, небезызвестного военного поэта и писателя, остались его воспоминания о пребывании в Петровском-Полтавском корпусе. С особым удовольствием, редакция печатает ту часть его воспоминаний, которая как бы дополняет Письма Великого Князя. Маленький кадет-Полтавец рисует картину, как отозвалось в корпусах, на местах, назначение Великого Князя, как внешне и внутренне откликнулись на это событие и кадеты и воспитатели. Назначение Великого Князя Константина Константиновича Главным Начальником Военно-Учебных Заведений, совершенно переменяло всю систему воспитания будущих офицеров и, таким образом, изменило лицо всего младшего командного состава Российской Армии. При этих условиях, особый интерес получают воспоминания того, кого непосредственно и немедленно коснулись Великокняжеские реформы.

Мне шел двенадцатый год. Стало быть давно это было. Я учился во втором классе кадетского корпуса. Год тек своим порядком, без особых происшествий и только к весне совершилось большое событие: было объявлено о назначении Великого Князя Константина Константиновича — Начальником Военно-Учебных заведений. Приказ читался перед завтраком, по приходе из церкви, потому что в этот день был большой праздник — Благовещение. Помню, что ни я, ни кто либо из моих товарищей, не придали особого значения этому приказу. Мы были еще малы и нам не вполне было ясно, что значит “главный начальник военно-учебных заведений”. Нашего директора нам было вполне достаточно, а что дальше него, то уже было что то не свое. А потому о приказе скоро забыли. Но не прошло и месяца, как из Петербурга каждому классу прислали портреты Великого Князя с его собственноручной подписью какому классу портрет предназначается.

Это показывало внимание, а потому и произвело большее впечатление, чем недавний приказ. Нас построили и каждому классу выдали по портрету, уже в раме и под стеклом. Портрет принимали “старшие” в классах. У нас “старшим” был Глоба-Михайловский. Он хорошо учился, хорошо себя вел и во всех торжественных случаях играл первую роль. На пор-

трете Великий Князь был в парадной генеральской форме, при всех орденах. Василий Алексеевич, наш воспитатель, обратил наше внимание на орден Св. Андрея Первозванного: лента, звезда, крест и особая нагрудная цепь. Это был высший орден Империи, учрежденный Петром Великим. Василий Алексеевич добавил, что Великий Князь пишет хорошие стихи, но, в сравнении с лентой и звездой — это показалось нам мало значительным.

Прошло еще несколько дней и вдруг разнеслась неожиданная весть: Великий Князь предпринимает объезд южных корпусов и, в мае, будет у нас. Немедленно, весь корпус, снизу доверху, начал чиститься, скоблиться и мыться. У нас и так все было достаточно хорошо, но теперь все должно было стать еще лучше, светлее и торжественнее. Нас одевали во все новое. Все свободное время уходило на примерки и пригонки, и чем ближе надвигался день приезда, тем тревожно-радостнее и приподнятое становилось настроение.

Мы уже знали, что такое “главный начальник”. Он вошел в нашу жизнь, наше сознание, он весь наш обход сделал другим не буднично-серым, а ярким и праздничным. Со времени Александра II, у нас не было Высоких Гостей. Теперь же ожидался не только Великий Князь, дядя Царствующего Императора, но и наш Августейший Начальник. Момент безусловно был исторический и к нему готовились с чрезвычайным усердием.

Мы даже начали, наконец, интересоваться стихами и Василий Алексеевич, придя однажды с маленькой книжкой, прочел нам:

Растворил я окно, стало душно не в мочь
Опустился пред ним на колени
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благоговенным дыханьем сирени...

Помню, даже нам, мальчишкам, показалось это красивым. Воспитатель добавил, что Великий Князь пишет стихи под инициалами “К.Р.”.

Но наши основные желания направлялись не к этому. Нас больше интересовала “Великий Князь”, свита, парад, Андреевская лента... Интересовала, кроме того, и самая историчность события. Историчность

заклучалась в том, что последним Главным Начальником корпусов из лиц Императорской Фамилии, был Великий Князь Михаил Павлович, сын Императора Павла. В корпусе был его бронзовый бюст с крупной надписью в одно слово — “Благодетелю”. Такие названия, как Благодетель, Радетель, Старатель — были в духе того отдаленного времени. О “Благодетеле” среди нас ходили самые жуткие легенды. Все виды наказаний, порка, отдача в какие-то контонисты... И, как это ни странно, мы эти легенды любили, к ним нас влекло, их всячески разукрашивали. К тому же “Благодетель” имел трудно произносимое звание Генерал-Фельдцейхмейстера всей Российской артиллерии. Как артиллерист, он получил в подарок те пушки, из которых стреляли по “декабристам” на Сенатской площади. Он их поставил на крыльцо своего дворца.

Наш корпус он посетил однажды, о чем свидетельствовала пожелтевшая мраморная доска в главном зале. А, кроме того, в музее хранилось кресло, на котором сидел Великий Князь. Простого вида, обитое красной кожей, оно хорошо сохранилось, и многих из нас влекло посидеть на нем. Но это было невозможно. И вот теперь, на наших глазах, история повторяется: Начальником у нас опять Великий Князь. Конечно, времена уже не те, но, все-таки, в этом назначении чудился отзвук далеких лет, на которые годы наложили свою романтику (ведь была не только порка) и воскресили угасшие традиции былых, лучших, более ярких эпох. Но если бы даже опять порка и шпицрутены — то мы, пожалуй, согласны и на это. И, вот с этим настроением как то не вязались слова:

“Растворил я окно, — стало душно не в мочь
“Опустился пред ним на колени...”

Великий Князь ожидался 6 мая. Он действительно прибыл в этот день к полдню. Это был день рождения Государя Императора. В церкви была торжественная служба. Мы в новых парадных мундирах. Масса публики. Особенное значение приобретают те слова в молитвах и возгласах, в которых упоминается имя Великого Князя. Он сам уже едет к нам, он сам уже, где то близко. Директор и еще некоторые лица вышли из церкви до окончания службы. Ясно — поехали встречать. Для Великого Князя был нанят один из лучших извозчиков — Байдала. Были еще две фамилии также известные в этом миру: Петлюра и Пупко. Выбор остановился, однако, на Байдале.

Программа встречи была такая: Великий Князь, по прибытии сейчас же обойдет все роты, здороваясь и знакомясь с кадетами, в их помещениях. Попутно, представление городских властей и высших воинских чинов. Затем, общий завтрак. Вопрос осложнялся нами, младшими, четвертой ротой. У нас были хорошие классы, но очень плохой, полутемный коридор. Наш зал, маленький, сводчатый, с окнами на дровяной двор, тоже не подходил для приема Высокого Гостя. Поэтому, было решено, что мы представимся в коридоре среднего этажа, возле столовой. Большой, светлый, широкий, с отличным паркетом — это был лучший коридор во всем корпусе. Мы должны были сначала спрятаться в нашем помещении, как только Великий Князь пройдет к старшим, нам сейчас же перейти наверх, в названный коридор. Согласно этому плану, мы, по окончании церковной службы, ушли к себе и оставались в томительном ожидании. Было строжайше воспрещено подходить к окнам на улицу, но некоторые, все-таки, заглянули и передали, что перед корпусом масса народа и полиции. Донесшиеся скоро с улицы, крики “ура” пзвестили нас о прибытии Князя. Построились, без команды, в одну минуту. Ротный командир начал делать последние указания: не выглядывать из строя, не оборачиваться, стоять смирно; на вопросы отвечать — кратко, ясно, ни в коем случае, не задавать вопросов самим... Появившийся, в этот момент, на пороге, один из старших кадет, звонко крикнул:

— Четвертая рота, наверх.

Мы, разумеется, никогда еще не ходили в таком идеальном порядке, как в тот раз. А, по пути, как нарочно, встречались препятствия. При повороте на главную лестницу, нас чуть не сбита с ног группа старших кадет, они быстрым шагом, несли из музея кресло “Благодетеля”. Затем, на площадке, новое препятствие — губернатор и архиерей. Губернатор в ленте, в звездах, с золотым ключом назади, в руках треуголка, окаймленная пышным черным страусом. Владыка-преосвященный в шелковой, муаровой рясе, тоже при звездах, а на клобуке алмазный крест — высокая награда за труды по благоустройству братской могилы, на поле Полтавской битвы.

Вот коридор... Немного страшно, но еще интереснее. Нас больше сотни но в просторном коридоре наш строй кажется маленьким и потерянным. Великий Князь где то у старших. Вдали, в открытые двери, видно много людей... Поклоны, шпоры, кого то представляют... Затем, вся группа вдруг, сразу двинулась к нам. Впереди свободной широкой походкой шел Великий Князь... Какой он высокий... И какой худой... Сколько орденов... И лента Андрея Первозванного...

— Здравствуйте, дети!

Тысячу раз учили ответ и грянули радостно, звонко, от души, хотя и было немножко обидно, что называл нас детьми.

— Здравия желаем Ваше Императорское Высочество!

Для ясности ответа, нас учили свободно и широко открывать рот. И вот, мне — он вложил палец в рот, но сейчас же отдернул руку.

— Тебе, я вижу, в рот пальца не клади? — смеясь сказал он, потирая прикушенный палец. Затем, идя по фронту, одного повернул кругом, другому, щелчком, сбил фуражку, самого последнего, т. е., самого маленького, как перышко, поднял на воздух. Строй зашевелился, слышались взрывы смеха... Нам делали знаки, строили страшные глаза, но это было ни к чему. В это же время, в коридор начали входить другие

роты, направляясь в столовую, к завтраку. Как хорошо они шли... Великий Князь оставил нас и замесился среди них. Такой встречи никто не ожидал. Вся официальность сразу пропала, и любопытство сменилось по настоящему праздничным настроением. В столовой, Великий Князь сел за один из кадетских столов и продолжал держать себя все с той же шутливостью: отнимал хлеб, подталкивал под руку, одному, зазевавшемуся, подсыпал в тарелку целую ложку соли. С других столов ему делали знаки, звали к себе.

Вечером большой концерт. Нас пустили украшать уже готовую эстраду. Перед ней ряды стульев и в первом ряду, посредине, на особом коврике, кресло Великого Князя Михаила Павловича. Всем хочется посидеть на нем. Около толкотня. Оказалось, что подушка легко отделяется и ее можно пускать по паркету, как по льду. Но, легкий свист, шопот и все разбегаются, как мыши. Только двое неуспевших, усердно поправляют, коверки кресло. В дверях вице-фельдфебель Орановский, краснощекий блондин, подозрительно оглядывает нас.

— Что вы здесь делаете?

— Поправляем... Смотрим, чтоб никто не трогал...

— Хорошо. Будьте здесь все время. У Великого Князя, в швейцарской, на пинели, отрезали все пуговицы. Наверное третья рота.

Великий Князь пробыл у нас три дня. Все свое, свободное от официальных приемов, время он проводил среди кадет и уходил к себе только вечером, когда все роты ложились спать. Его комната была при лазарете и заботы о ней взяли на себя корпусные дамы. Они нанесли туда массу мебели и в течение всего дня туда посылались беспрерывно свежие цветы. Великий Князь неизменно завтракал и обедал вместе с нами, причем никто не мог предугадать за какой стол он сядет. Весь день проводя среди кадет, он, своей неутомимостью и подвижностью, утомлял своего адъютанта. Последний жаловался нам, что под конец дня он не чувствует под собой ног и так бывает в каждом корпусе. В то время, Великому Князю было едва за сорок. Он только начал сидеть и производил общее впечатление здорового, крепкого человека, несколько худощавого, но стройного, с подвижной, юношеской гибкой фигурой.

“Второй класс, первое отделение. Кадет по списку 36. В лазарете — 1. Налицо — 35”. Этот рапорт учили и по-французски, так как Великий Князь ожидался к нам, именно на урок французского языка. Рапортовать будет старший — Глоба, но, на всякий случай, учили все. Все, скольконибудь небрежное, по части учебников и тетрадок, было заменено новым. Парты тщательно осмотрены. Мы сами тоже. В карманах ничего не должно быть, кроме носового платка. Всякого рода трещетки, рогатки и прочее богатство кадетского обихода было отнесено к “всякой дряни” и безжалостно выброшено. Были проделаны репетиции, как вставать, садиться, как отвечать и прочее. Предполагалось, что Великий Князь сядет за первую

парту, ближайшую от дверей. Когда минувшей зимой в класс зашел генерал Драгомиров, то он сел именно на эту парту. Потому была сделана, извините, перетасовка и на крайнюю парту был посажен все тот же Глоба. Класс проветрили и вспрыснули каким-то составом под названием “Лесная Вода”. В самом деле запахло лесом.

Ждали Князя на французский, — а он пришел на арифметику. С этого и началось. Раздалась команда: “Встать! Смирно!”. Класс вскочил, вытянулся. Глоба устремился навстречу, растерялся и забормотал:

— *Votre Altesse!*, Высочество... Второй класс...

Но Великий Князь ласково отстранил его, сказал всем: “садитесь” и, окинув парты взглядом, направился ко мне.

— Ты один, пожалуй скучаешь? — сказал он.

— Никак нет, Ваше Императорское Высочество.

— Не мог же я сказать, что скучаю, когда в классе шло объяснение простых дробей.

— Все равно, подвинься.

Подвинуться нужно, — он опять был в парадной форме и его звездам и орденам за партией было тесно. Они частью примялись и завернулись. Я начал поправлять их, приглаживая и выравнивая. Особенно не давалась мне Цепь Андрея Первозванного. Отдельные знаки были плоские, тонкие, ювелирной работы и я боялся их поломать. Но мне все-таки хотелось извлечь цепь наружу, так, чтобы она легла на парту.

— Оставь. Пусть будет так, сказал он.

Некоторое время он внимательно слушал. Его густой эполет давил мне плечо.

— Что ты делаешь? — опять тихо спросил он.

— Ничего.

— А ты бы делал чтонибудь. Тетradка у тебя есть?

Я быстро выхватил из парты тетрадку. Но в тетрадке ничего интересного не было — она была совершенно новая, только что выданная.

— Она у тебя всегда такая?

— Так точно.

Он улыбнулся и затем задал несколько вопросов ближайшим из кадет. Отвечали старательно, сильно волнуясь. Смутила и большая группа сопровождавших князя лиц, занявших почти всю переднюю половину класса, а у доски, как нарочно, самые неудачники Комиссаров, Капнист, Куценко... Однако, на сей раз, обычно у доски скромные и молчаливые, теперь вдруг они заговорили. С отчаяния может быть. Правда не все ответы соответствовали вопросам, но все были громкие, моментальные, без особого раздумья. Матус-Кориченко даже не хотел садиться, пока его не дернули сзади. Вообще в классе установилось бодрое, смешливое настроение, рассеявшее атмосферу сухости, которую хотели на нас нагнать.

Затем Князь встал и, поблагодарив всех, направился в соседнее отделение. Все бросились ко мне. Я был героем дня. Было сделано только замечание за “вольную поправку орденов”, но, это было ничто, по сравнению с ошибкой в рапорте Глобы.

Последний день пребывания, 8 мая, прошел очень шумно. Уроков не было. Просто галдели по классам. Великий Князь захотел говорить с каждым кадетом в отдельности. Для этого наш класс поставили в спальне у кроватей. Моя кровать была у окна. Я вскочил на подоконник и распахнул раму. Белые сережки черемухи и клейкие листочки тополей закачались перед мной. Но уже шел Великий Князь. Он был в белом кителе, по домашнему, даже без шапки. Так начал он обход нашего класса. Князь умел разговаривать с каждым и находить нужные слова для робеющих и волнующихся. Он сильно картавил и его общий, гортанный выговор, по началу, производил несколько странное впечатление. У нас уже многие подражали ему.

Меня он спросил об отце. На вопросы об его службе, я бойко отвечал: "...в боях у Эни-Загра и Эски-Загра. В Забалканском отряде фельдмаршала Гурко... Знаете Ваше Высочество?.."

— Слыхал, слыхал... я тоже немножко, сказал он. Он "немножко"... На груди у него белел Георгиевский крест.

После обеда, на плацу, Великий Князь все время оставался с нами, но к нему было трудно протиснуться. Его характерной особенностью было то, что он из всего умел создать интерес и разговор возле него не утомлял. В этом его внимании к каждому из своих собеседников, как бы таковой ни был мал, заключалась значительная доля его обаятельности. Президент Академии Наук, он с полным вниманием мог вести разговор о резиновых мячах, о свойстве рогатки, о лучшем способе плавания и т. п. Что касается начальства, то оно держалось в стороне и мы были совер-

шенно свободны в обращении и разговорах с нашим "Главным Начальником".

Он уезжал вечером, когда уже надвинулись мягкие весенние сумерки. К экипажу его вынесли на руках, на том же историческом кресле. Раздалось непрерывное "ура". На улице собралась масса народа. Губернатор не мог протискаться и издали размахивал своей нарядной треуголкой. Байдала, рослый красавец, чисто — Русского типа в синем армяке, с павлиньим пером на шапке, сдерживал горячившихся лошадей и улыбался Князю, с которым за эти дни тоже успел "ознакомиться". Он потом рассказывал:

— Ни копейки не взял... За такую честь да брать деньги?

На вокзал, для проводов, собрались военные и гражданские власти. Перед вокзалом, на площади выстроились мы. Первая рота с винтовками и оркестром. Великий Князь еще и еще раз обходил ряды, разговаривая, шутя и обещая скоро вернуться. Уходя, он поблагодарил директора за прекрасное состояние корпуса, обнял и поцеловал его. Когда вскоре, в просвете вокзальных зданий, потянулись вагоны отходящего поезда, мы кричали "ура" до тех пор, пока можно было думать, что нас слышно.

Затем все оборвалось. Большой яркий праздник был окончен. Сразу наступили скучные будни. Стемнело. Возвращались вялые, утомленные. Наша рота совсем отстала и от звуков оркестра к нам доносились лишь глухие удары барабана. Обгонявшие нас лица из числа провожавших, многих брали к себе в экипажи. Это было стыдно, но завидно.

К концу мая мы были отпущены по домам на большие летние каникулы.

М. Шереметев.

Фарфоровая кокарда

(Продолжение).

Будем сидеть... Будь, что будет... Поедем на Знаменку, если он пойдет дальше, слезем — если выгонят. В вагоне тепло, почти уютно. Там, снаружи, темная ночь, декабрьский свирепый мороз, неизвестность. Каждый из нас троих, думает и решает одно и то же, не стовариваясь, так как и Газнев и Леус продолжают неподвижно лежать.

В вагоне молчание. Напряженное, выжидательное. Кто-то кашляет, стараясь заглушить кашель рукавом. Снаружи то же тишина. Только слышно, как тяжело пытит паровоз. Может быть сейчас тронемся? Хотя не все ли равно, где это случится? Здесь или в Знаменке, или еще дальше, ближе к Николаеву? Где то поезд остановится окончательно, не дойдя до Николаева. Нужно будет вылезть из вагона. Будут ходить вооруженные люди с пулеметными лентами накрест. "Ваши документы, товарищи матросы?" "Документы? их нет—украли". Может быть их нет здесь, на Долинской? Может быть лучше всего слезть сейчас, несмотря на темноту и мороз?

Парень в папаше приоткрывает дверь и высовывается. С клубами морозного пара в вагон врывается шум многочисленных и еще далеких шагов. Слышно, как щебень балласта осыпается под тяжелыми сапогами и кто-то громко кричит.

— Хыба охвицеров шукають, — равнодушно говорит парень.

— Як так шукають? — заволновался пленный.

— Вот так и шукають, а як найдуть то, як вони кажуть, до Штаба Духонина... Попановалы. З нас будэ.

— Нима такого права, щоб людей стрелить, — протестует пленный.

Неужели правда то, что говорит эта пьяная скотина? Если да, то минут через десять дойдут и до нас. Поезд длинный и мы почти в самом конце. Высовываюсь сам, стараясь казаться равнодушным. Впереди, слева, довольно далеко, слабо освещенный несколькими фонарями низкий вокзал кажется пустынным. Мы стоим на пятом или шестом пути, и, на высоте нашего вагона, платформы уже нет. Далеко, вле-

реди виден паровоз. Из трубы летят огненные искры, топка бросает кровавое пятно на снег, и расплывчато освещает морозный туман. На багровом фоне, черные силуэты людей с винтовками. Это они кричат. На морозе слышно хорошо.

— Слезай гад, слезай, тебе говорят...

Кто то отвечает тихим голосом. Потом вдруг, что то тяжелое падает на балласт и вспышки выстрелов разрывают темноту. Одновременно люди кричат:

— Под вагон... Стой...

Летит площадная ругань, шуршит щебень балласта... Кажется тому, кого называли гадом и кому приказывали слезать, удалось бежать.

Теперь, люди с винтовками озверели от неудачи. Налево стационарные постройки неосвещены и сливаются с почной темнотой. Лишь бы не заметили, когда будем переходить через пути... Нужно сейчас же слезать... Даже, если бы обыск прошел благополучно, до Николаева нам не добраться. Это теперь ясно. Обыщут и в Знаменке, и в Долгинцеве, и перед фронтом. Нам нужно пытаться проехать на Никополь и Александровск. Там нет немцев и значит, нет и фронта. А Долинскую нужно оставить немедленно, сейчас же ночью... Пойти по шпалам, отойти хотя бы на один перегон в сторону Никополя.

Возвращаясь в наш угол, стараюсь сохранить невозмутимый вид. Газнев и Леус смотрят на меня тревожно вопросительно.

— Нужно отсюда выкатываться, — говорю шепотом.

Мои товарищи, видимо, понимают положение, так как даже ленивый сибарит верблюд не протестует, не смотря на то, что вот сейчас ему придется прыгнуть из тепло и мирного вагона в морозную ночь. Собирается нам недолго. Наши спутники смотрят на нас с вопросительным любопытством. Почему эти три молодых парня, почти мальчики, по одежде матросы, только что спокойно сидевшие в глубине вагона, так вдруг решили уйти? Снаружи только что стреляли. Повидимому идет повальный обыск поезда, и внезапное бегство молодых матросов не может не быть в связи с выстрелами и обыском. Так должны думать все, и молчаливые военнопленные, и переодетые буржуи, и пьяный парень в папаше и его кокетливая и темпераментная подруга. Пусть думают что хотят. Лишь бы не рассказали о нас людям с винтовками, когда они дойдут до вагона.

Прыгаю первым на балласт. Леус подает чемоданы. Один, два, три. Все. С Богом. Мои товарищи прыгают в свою очередь. Закрываем дверь снаружи. Чтобы наши спутники не видели в какую сторону мы пошли. Живое... живое... Идем налево, наискось через пути. Со стороны паровоза еще два-три выстрела. Не по нам, так как не слышно пуль. Стараемся не бежать и не шуметь. Но щебень равнодушно шуршит, осыпаясь под каблуками. Слева, на самом конце платформы темнеет длинное и новое строение. Идем туда. Может быть это склад или просторный сарай.

Текут медленные минуты-часы. Никто нас не ви-

дит, никто нами не занимается. Только тяжело дышит паровоз и около него кричат люди. Строение приближается, вырисовывается. Вот уже можно прочесть надпись на полусбитых досках: Für Kriegsgefangene. Темное и низкое строение — огромная уборная для военнопленных. Еще полтора года назад сюда водили строим из красных вагонов голубых австрийцев и сиреневых немцев. Теперь строение заброшено и зияет дырами вырванных досок. И вот мы стоим, поставив чемоданы на промерзлые доски, в нужнике для военнопленных, который на какое то время, вместе с морозом, защищает нас от русских солдат, которые там, у паровоза, охотятся за русскими офицерами.

Закурили. Стоим, дрожим от холода, молчим. Мозг лихорадочно работает. Идти пешком, сейчас же на восток, по железнодорожной линии, к Днепру? Едва ли существуют заставы на маленьких станциях. Но как узнать среди десятков рельсовых путей тот, который выведет нас именно на восток, к Кривому Рогу и Никополь? Единственный способ распознать нужный нам путь — добраться до карты станционных путей. Иногда она висит снаружи вокзала, обыкновенно черного цвета с цветными линиями путей. Так было, во всяком случае, в Большом Токмаке, где я провел лето.

Шепотом излагаю свой план Газневу и Леусу.

— Может быть пойдем в местечко? — нерешительно протестует Сергей — здесь местечко есть.

— Глупости, — решает Газнев, в местечке та же шолох, это ясно. Пойдем пешком на восток.

Иду на разведку. Вид непринужденный, руки в карманах матросской шинели. Бесконечная, слабо освещенная платформа. Черной, неподвижной лентой стоит наш поезд и видно, как вдоль вагонов ходят люди. Больше не стреляют. Мороз градусов пятнадцать, уши начинают мерзнуть, несмотря на поднятый воротник шинели. Низкий одноэтажный вокзал кажется мертвым. Тускло горят редкие фонари и только в мезонине, до революции должно быть квартире начальника станции, окна ярко освещены. Скрипит снег под ногами и тяжело пытит паровоз неподвижного поезда, нанятого нами в Кременчуге у революционного пролетариата за байковое теткинское одеяло.

Ну и история... Что тут делать? Если даже я смогу разобраться в карте станционных путей (если ее найду), как выдержим мы ночной поход по шпалам, на декабрьском морозе? В уборной "Für Kriegsgefangene", мы замерзнем, а если не замерзнем, то все равно нас завтра найдут. "Матросы?" Матросы ну и так далее. Не лучше ли сразу? Сейчас? Но вот, может быть до утра будет какой нибудь другой поезд? Может быть удастся влезть в наш после обыска? Но он все равно идет на Знаменку, а в Знаменке спросят тоже "товарищи матросы?" Нужно было оставаться в Полтаве. С вождением мечтаю о мягкой и пружинной кадетской постели.

— Что ищите товарищ? — от неожиданности, даже вздрогнул. Из тени станционных дверей выходит фигура в папаше и с винтовкой на ремне.

— Куда едете, товарищ флотский? — продолжает фигура.

— В Крым, — отвечаю машинально.

— Это вам на Никополь нужно, да вот слышно, что за Александровском кадеты.

Мычу, что то нечленораздельное. Нельзя же говорить ему что кадет то мы и ищем.

— Опасно вам в ту сторону, товарищ, — настаивает мой собеседник.

— Может закурить, у вас найдется? — спрашиваю совершенно спокойно.

Солдат достает кисет с махоркой. Кручу цыгарку и лихорадочно обдумываю положение. Матросы так матросы. Будем играть в матросов. Да и как не играть, если ничего другого не остается?

— Комендант, здесь есть?

— А как же, вот, в первую дверь по лесенке наверх. Да вы идите, товарищ, не бойтесь, — добавляет он, чувствуя мои колебания и легонько подталкивает меня в сторону двери.

— Небось в Севастополь едете? — Решает он, довольно логически. — Да, сейчас, не проедете.

Ну будь, что будет. Даже успокаиваюсь, так как единственное возможное решение принято. Лишь бы не спутались дальше мои товарищи по приключениям и лишь бы не оказались здесь на Долинской настоящие матросы из Балтики.

Поскрипывает морозный снег пустынной платформы и мне кажется, что не я иду рядом с парнем, одетый в полусолдатскую форму с винтовкой и пулеметной лентой через плечо.

Сам я в Белгороде, в нашей с братом комнате, окно которой выходит в узкий проход около дома Ломонова. Проход служит для работниц Ломоновской фабрики. По вечерам нужно закрывать ставни, так как девки-работницы стучат в окно и показывают язык. Итак, я в комнате, в Белгороде, лежу на чемодане-кровати, что служила отцу еще в Японскую войну, и читаю жуткую книжку. Герой этой книжки находится в отчаянном положении, окруженный врагами. Он очень голоден и ему очень холодно, но, так как он герой, он обязательно спасется. Как? Вот это и есть самое интересное в повести. Эх, заглянуть бы в конец? На последнюю страницу?.. Но никак страницу не откроешь...

Парень с винтовкой доводит меня до двери, от которой нужно подняться "по лесенке наверх".

— Там постучитесь, товарищ флотский, — напутствует меня мой проводник, — а уж молодой же вы.

— Ученик минного класса, — бурчу я невнятно.

Каждая ступенька — целая вечность. И с каждым шагом вечность сужается, превращается в осязаемое время, в минуты, в секунды. Вот дверь... Замечаю я ее по полоске света на полу. Слышу ее из-за громких голосов за ней. За дверь судьба учеников несуществующего минного класса, один из которых стоит перед дверью-судьбой, а двое других дрожат от мороза и волнения в бывшем отхожем месте для кригсгефангенов.

Нащупываю ручку, раньше, чем постучать. Потом стучу. Сначала робко и, за дверь, меня, повидимому, не слышат. Потом сильнее. Опять не слышат. Наконец бью кулаком и, не дожидаясь ответа, поворачиваю ручку.

В сравнительно небольшой комнате, должно быть прежней спальне, так как в углу, в алькове, стоит широкая кровать, в клубах сизого махорочного дыма, сидят за столом, стоят или ходят люди в полувойенной форме. На столе четверть самогона, закуска, хлеб. В углу винтовки и, похожий на собаку, в стойке пулемет Максима. На людях пулеметные ленты, красные банты. В голове стола сидит человек лет сорока. У него добродушные, чуть отвислые, усы староружимного фельдфебеля. Он даже похож на подпрапорщика Антоюка, фельдфебеля отцовской батареи в Хабаровске.

Он с любопытством смотрит на молоденького матроса в солдатской фуражке, который вошел в дверь. С тем же любопытством смотрят и остальные. У "фельдфебеля" маленькие веселые глаза.

И вдруг, забыв про "минный класс", с отчаянием и надеждой смотря в веселые глаза, я рапортую, поднимая руку к козырьку и вытягиваясь по уставу:

— Господин комендант. Три кадета Сумского детского корпуса без денег и без билетов, имеют честь просить вас о помощи.

Евгений Яконовский.

(Окончание следует).

ПОХОДЫ И ЭКСКУРСИИ В КОРПУСЕ

(Из воспоминаний о Псковском корпусе).

За рекой Великой, в Искове, был корпусный лагерь, где, когда то, на месяц, на два оставались летом целые роты, нов мои годы корпусной жизни, здесь жило летом только несколько кадет, которым нельзя было ехать домой по каким либо причинам. Вместо летнего лагеря, устраивали в Первой роте поход на неделю или более, весной, после экзаменов, в какие либо интересные окрестности, на берегу озера или реки. Поход

проделывался пешим порядком со скатками, винтовками и прочим. Ночевали обыкновенно в палатках с порядком взятым из уставов армии. Были свои повара, кашевары и т. д.

Мой выпуск ходил к Изборску и Печерам, в которых я уже был за год до окончания корпуса, приезжая к брату, офицеру, учившемуся в Академии Генерального штаба и производившему в этих местах,

практическую съемку местности. На прогулках наших, надо было бы остановиться подольше, поскольку они сыграли для многих из нас большую роль в жизни. Так называемые “дальние” воскресные прогулки знакомили нас с сельским хозяйством и жизнью крестьян. Знакомили с прекрасным зодчеством Русских православных церквей Псковско-Новгородского и более северных стилей, а также и с иконописью. Они вызвали много хороших чувств, связанных с прочитанными книгами исторического характера. Каждая прогулка сопровождалась иллюстрацией быта Русской старины нашим талантливым воспитателем, героем японской войны, капитаном Обухом. Вообще прогулки, тянувшиеся не десять и двадцать минут, а несколько часов, давали идущим не только спортивную ходьбу, но и много продуманных и прочувствованных новых мыслей, идей... Они очищали все мельчайшие частицы нашей ткани и свежим приливом кислорода укрепляли и заново формировали их. Каждая прогулка крепче нас спаивала и невольно приближала одного к другому.

Конечно, большую роль в таких прогулках играла роль руководителя, воспитателя. Чем больше был продуман маршрут, чем больше подготовился руководитель, тем большую пользу приносили эти прогулки. Все корпусные дальние прогулки были для меня интересны и оставили неумирающий след в душе, несмотря на то что, идя на прогулку, я терял воскресный день и отпуск. В корпусе было около десятка весельных лодок и весной, целым классом, мы делали

на них экскурсии в устье реки Великой, у Псковского озера. Эта прогулка была очень интересна своими живописными пейзажами, удовольствием, получаемым от полноты чувств при хорошей спокойной гребле, ароматом костров на берегу реки, чарующей красотой белых стен и церковки у воды озера, а также и дружными песнями в пути.

Зимой очень приятны были прогулки с воспитателем на лыжах вдоль реки Псковы или же Великой. Здесь была проба выносливости каждого из нас и закалка не только физическая, но и духовная, поскольку те из нас, которые были расположены к ворчанию, невольно должны были сдерживаться, так как каждый был занят движением вперед и некогда было обращать внимание на мелочи. Как прекрасны были в этих прогулках наши псковские деревушки, часовенки и церковки, разбросанные по снежным равнинам. Живописны были снега, отдельные березы и синеющие вдали полосы лесов, строений и садов. Возвращение в корпус было связано с розоватыми красками, длинными синими тенями наших движущихся фигур, неожиданными ударами далекого колокола, среди таинственной тишины умирающего северного дня с брызгами последних лучей заката. Только снявши лыжи, мы начинали чувствовать усталость за наше путешествие, и все пройденное и виденное было каким-то сказочным и не вполне улегшимся впечатлением. Мысли перескакивали к привычной окружающей обстановке и было всегда чего-то жалко.

М. Зайцев.

М О Й Р А

*Други моему, Саме Врангелю,
на брані за Русь убиенному.*

На гремющей колеснице, —
Прямо к вражескому строю, —
Прямо к смерти, в бой за Трою
Гектор пламенный летит.
Под гремющей колесницей,
Прах курится... блещут спицы...
И Патроклов влачится
Тело в топоте копыт.

“Троя!.. в бой!.. Эвоэ!.. К славе!..”
Смерть несется в конском топе...
Треск ломающихся копий...
Грохот меди — звонче гроз...
“Троя!.. Троя!.. Колет!.. давит!..
И, подобный рдяной лаве,
Вместе с кровью брызжет гравий
Из под кованых колес.

Кони пьяны крови смрадом:
Сыплют искры ярким взглядом,
Бьют и передом и задом
С диким визгом зубом рвут...

— Троя!.. Троя!.. нет пощады. —
Гром и звон ударов града...
Миг и недруги, как стадо,
В смертном ужасе бегут.

В лязге, треске, вопле, стоне
Все смешалось копыта, брони,
Лики, племена, люди, кони...
Где спастись? Куда укрыться
От разящего огня?
И за ними хищной птицей
Мчит следом колесница,
В вихре бешеной погони
Сбруей бренчущей звеня.

“Троя!.. Троя!..
“В бой!.. Эвоэ!..
“Боги!.. Слава!.. О, Елена...
“Губы — маки, плечи — пена...
“Грудь — лебяжий волнорез...
Пой безумец. Верь успеху. —

Весь Олимп звенит от смеха. —
Облекается в доспехи
Сын Пелея — Ахиллес.

Н. М.

СУВОРОВА — ПОБЕДАМ

Непоколебимая стойкость, жертвенность и выносливость Русских бойцов, вызывавшие восхищение всего мира в войну 1941-45 гг., воскрешают в памяти блестящие страницы истории Русской Армии на протяжении минувших веков воспитавшей Русского солдата, а следовательно и весь Русский народ, на полях сражений под водительством Петра Великого, Румянцева, Суворова, Кутузова, Дибича, Ермолова, Гурко, Скобелева и других Русских офицеров и полководцев.

Встают картины небывалых подвигов кампании 1799 года. Союзная армия под главным командованием фельдмаршала графа А. В. Суворова-Рымнико-

го, сражалась против Франции, занимавшей своими войсками Италию. 4 апреля Фельдмаршал Суворов прибывает с авангардом Русской армии в Верону и уже 15 апреля дает первый бой. Несмотря на смену французским правительством командующего французскими силами Шерера и назначение даровитого и всеми любимого генерала Моро, французы разбиты на реке Адде, где дивизия Серюрье сдается в плен. Далее, победы следуют одна за другой: 17 апреля занятие Милана, 5 мая победа у Маренго, 16 — взятие Турина. 6 июня Суворов с 30.000 союзных войск, встречает 35 тысячную армию генерала Макдональда, бросившего южную Италию и спешившего на север спасать положение. В трехдневном бою, на реке Треббии, Макдональд разбит, славная 17 полубригада, известная всей французской армии, положила оружие, взяты в плен два дивизионных генерала Оливье и Риска. 19 июля сдача Мантуи, одной из самых силь-

ных крепостей того времени. Суворов опять обращается на север: 4 августа блестящая победа у Нови. Вновь прибывший, командующий французской армией, генерал Жубер убит, в числе пленных генералов Груши и Партуно. Северная Италия освобождена.

Далее, политическая и военная обстановка меняются: Фельдмаршал двух Империй, князь Итальянский граф Суворов-Рымникский, во главе всей Русской армии Северной Италии в составе двадцати одной тысячи человек, порвавший с австрийцами, решает сосредоточиться в Швейцарии, где у генерала Массена — 85.000 солдат против Римского-Корсакова, генерала Готца и принца Кондэ, имевших все вместе всего 55.000.

10 сентября начинается знаменитый переход Суворова через Альпы. Погода стояла очень дурная: дождь лил ливнем, резкий ветер прохватывал насквозь. Горы, овраги, крутизны — были обстановкой совершенно новой для Русского солдата, привыкшего воевать в степях юга и юго-запада России. Дорога вилась по склонам гор, спуски чередовались с подъемами, скользкими косогорами, бурными горными потоками... Переходы были велики — нужно было спешить на соединение с главными силами. Выступали с рассветом, шли безостановочно до самой ночи, а придя на ночлег, не находили даже хвороста для костров. 13 сентября, наконец, вошли в соприкосновение с противником: части дивизии генерала Лекурб защищали Сен-Готардский перевал. Несмотря на переутомление, Русские отважно пошли штурмовать позиции противника, и, после повторных атак, французы были сбиты, — Сен-Готардский перевал взят. Приближалась ночь, войска стали спускаться. Было так круто, что большинство скатывалось с горы сидя и, наконец, в полной темноте, с громовым “ура”, Русские обрушились на врага. Французы были ошеломлены и дали тыл, побросав артиллерию в реку Рейсу. Русские войска еле держались на ногах от усталости, а в 6 часов утра 14 сентября уже выступили далее, вниз по долине Рейссы. Здесь, на вечные времена, Русская Армия вписала в свою историю легендарный переход через Чертов Мост, перекинутый через ущелье, на высоте 25 метров, длиною в 30 метров над бешено рвущейся среди отвесных скал Рейссой. Мост защищала вражеская пехота и артиллерия. Один из пролетов моста был французами подорван. Майор Князь Мещерский сорвал с себя офицерский шарф, его примеру последовали другие и, связав несколько бревен, под огнем неприятеля, перебросили их над пропастью подорванного пролета моста. По этим зыбким мосткам храбрецы бросились вперед, сметая все на своем пути. К 5 часам по полудни, вся колонна переправилась на противоположный берег и с непрерывными боями продолжала теснить войска дивизии Лекурба, отбросив его влево и заняв около полудня 15 сентября, Альтдорф.

Далее, армия, ведомая Фельдмаршалом Суворовым,

совершила несравнимые подвиги так метко оцененные Императором Павлом I, который писал Главнокомандующему: "Побеждая всюду и во всю Вашу жизнь врагов Отечества, Вам не доставало одного — преодолеть и самую природу, но Вы и над нею одержали ныне верх". И, действительно, в Альтдорфе Суворов доказал, что его излюбленный афоризм "где прошел олень, там пройдет и солдат" — не пустые слова.

За Альтдорфом дороги далее не было: — была только тропинка, ведущая в деревню Муттен, доступная в позднее время года, лишь смелым охотникам за сернами, привыкшим с малолетства карабкаться по горным ребрам, трещинам, весям и падям. Но общая диспозиция принуждала идти на Муттен-Швиц, и Русские войска, преодолели труднейший Росштокский хребет. "Конечно ни одна армия никогда не двигалась по такому пути", — говорит историк об этом необычайном походе. В 5 часов утра 16 сентября, авангард Князя Багратиона выступил из Альтдорфа. О трудностях перехода можно легко судить по времени, которое на него потребовалось: — расстояние в 15 км. потребовало 12 часов невероятных усилий под проливным дождем, среди туч, ходивших под ногами, глухого рокотания грома, раздававшегося эхом по ущелью, и при резком ветре, становившемся при промокшем платье вдвойне чувствительным: — от него дрожь прохватывала до костей, ноги и руки коченели. Переход этот изумил всех, и тропинка, пройденная Русскими войсками, изображалась до последнего времени на многих картах Швейцарии, надписью—"Путь Суворова в 1799 году".

После такого перехода, вечером 16-го, авангард вступает в бой с противником, отбрасывает его на Швиц и занимает деревню Муттен. 17-го стягивается в Муттен вся армия Суворова (около 20.000), и здесь впервые Главнокомандующий узнает о катастрофе, постигшей 15 сентября армии генерала Римского-Корсакова под Цюрихом и генерала фон-Готца на реке Линте, а именно: Массена, пользуясь соотношением сил 8:5, разбил совершенно эти армии, до их соединения с армией Суворова, до их объединения под началом непобедимого Русского полководца. Таким образом, небольшая армия Суворова оказалась в кольце: с одной стороны непроходимые озера и горы, с другой — Массена с 80.000 солдат, только что одержавший крупную победу.

Утром 18 сентября Суворов срочно собирает военный совет, вернее, собирает старших начальников и диктует новую диспозицию, требуя от войск новых, невероятных усилий. Меняется направление: вместо Швиц-Люцерн, в тыл и фланг противнику, теперь армия идет на Гларис-Иланц за Рейн. Новая борьба с природой и сильной французской армией, окрыленной недавней победой, не могли быть препятствием для Суворова и его солдат.

Перевалив опять через горы у Брагеля, Русский авангард Князя Багратиона выбивает части дивизии генерала Молитора из Клейнтала и 19-го и 20-го в

кровавопролитных боях продолжает их теснить, занимая последовательно Нетсталь, Нефельт, Молис. Только подошедшим войскам дивизии Газана удалось удержать Русский авангард. Но, задача была выполнена: главные силы прошли на Гларис и далее на Эльм. Авангард Князя Багратиона сделался аррьергардом, т. к. от Глариса Суворов повернул на юг. Массена, торжествовавший было победу и хвастливо обещавший пленным Русским офицерам увеличить их общество, через несколько дней, Фельдмаршалом и Великим Князем Константином Павловичем, увидел вдруг, что он ошибся в расчетах. Перед ним не немцы или итальянцы: Суворов, со своей тающей армией, ускользает из его рук и, несмотря на все усилия генералов Молитора и Базана, 25 сентября Русский аррьергард оторвался от противника после 12-дневных непрерывных напряженных боев с превосходными силами французов. 26-го Русские войска перевалили самый трудный хребет у Рингенкопфа. В сущности, путь был лучше через Росштокский хребет, но выпавший снег и мороз сделали его совершенно невозможным. Спуск с Рингенкопфа был еще труднее подъема.

27-го сентября Суворов с 14.000 своих войск и 1.400 пленных французов стал на отдых в Куре. Отдых заслуженный и необходимый, ибо наличный состав армии находился в ужасном виде: люди были обрваны, босы, истощены походом и голодом, ятронов почти не оставалось. Не только офицеры, но даже генералы не выделялись из общей картины: так генерал граф Ребиндер обходил войска в сапогах без подшв. Но не прошло и суток, как подкрепившиеся и выпавшиеся солдаты исправили аммуницию, починили обувь офицерам и себе; оживился лагерь, послышались лихие песни и вся горечь недавнего прошлого была забыта.

Впоследствии, в 1807 году, Массена, вспоминая Суворова восторгался его военными дарованиями и Русскими солдатами и говорил, что никогда себе не простит потери одного перехода.

На этом закончилась кампания 1799 года, т. к. Император Павел Петрович, видя вероломство Австрийского Двора, 11 октября порвал союз и приказал армии вернуться в Россию.

Война России с Францией окончилась, но слава о Русском оружии покаталась по всей Европе. Одним из горячих поклонников Суворова и его войска стал адмирал Нельсон, приславший Фельдмаршалу восторженное письмо, послужившее началом их переписки. Имя Суворова сделалось даже предметом моды и коммерческой спекуляции: появились Суворовские прически, суворовские шляпы, пироги и прочее. Суворов и Нельсон были кумирами англичан и их здоровье пили ежедневно во дворцах, тавернах и хижинах. Однажды после смотра Кентской милиции, когда лорд Ромней угощал короля, первый тост король провозгласил за здоровье Суворова — воплощение духа Российского Воинства.

П. Ф. Рерберг.

НА ЗАКАТЕ

Историческая повесть. (Продолжение).

Красивый особняк, спрятанный в глубине засыпанного снегом сада, где то на Петербургской стороне... Несколько странная задержка на крыльце, какие то таинственные переговоры перед тем, как открылась тяжелая дверь... Со вкусом убранная квартира, прекрасная сервировка большого стола, освещенного десятком свечей в тяжелых серебряных канделябрах... Большое, оживленное общество, человек 20-25, преимущественно военных, среди которых терялось несколько штатских. Торжественное представление... незнакомые лица, незнакомые имена... как будто мелькнуло одно знакомое лицо, но оно скрылось в толпе, раньше, чем он успел опознать его... Сенявин с горечью отметил, насколько за эти годы он отошел от общества, от жизни... Омрачившееся настроение его несколько поднялось за столом, где Загряжский искусно навел разговор на Адриатическую кампанию, с жаром поясняя двум генералам, сидевшим против Сенявина, роль флота и, на первом месте, самого Сенявина, в этой эпической борьбе с Наполеоном.

После второй перемены блюд, Загряжский поднялся и предложил тост “за славу и гордость России, вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина”. Громкое ура, возгласы, звон хрусталя... Окруженный толпой, поднявшихся с места, гостей, протягивавших к нему бокалы, Сенявин чувствовал, что от него ждут ответа, но, также ясно сознавал, что сейчас говорить не в состоянии. На глаза навертывались слезы от охватившего его глубокого радостного волнения...

Снова зашумели разговоры... По долетавшим до него отрывкам, Сенявин, занятый ответами на бесчисленные вопросы своих собеседников, заметил, что главной, и почти единственной темой была политика. Говорили о революционных движениях в Испании и Италии, порицали решения Лайбахского и Веронского конгрессов, слышались резкие осуждения по адресу Священного Союза, посылались проклятия Меттерниху... Шум возрастал, все говорили сразу, перебивая друг друга, одновременно произносились разные тосты, подхватывавшиеся отдельными группами... Пили “за свободу”, “за гибель тиранов”, пили за каких то “карбонариев”, за “права человека”... На дальнем конце стола, какой то молодой голос надрывно выкрикнул: “долой Аракчеева!... Да здравствует Российская республика!...” Загряжский нахмурился и бросил быстрый взгляд в сторону Сенявина.

— Ваше Превосходительство, простите великодушно немного шумное поведение нашей молодежи, но, я все же опасаясь, что оно может утомить вас... Не лучше ли нам перейти в кабинет, предоставив им “поле брани”? — С этими словами, он поднялся, услужливо поддерживая адмирала под руку. Вслед за ним поднялось еще пять-шесть человек ближайших соседей.

В просторном кабинете, освещенном только большой лампой под темным абажуром да двумя парными подсвечниками на внушительном письменном столе, было тихо и уютно. Пока лакей, бесшумно двигаясь по толстому персидскому ковру, расставлял на низком круглом столе перед турецким диваном чашки с дымящимся черным кофе и граненые графины с разноцветными ликерами, гости разбрелись по кабинету, тихо беседуя или рассматривая коллекции оружия, гравюры или книги, в библиотечном шкафу. Один из них, обративший на себя внимание Сенявина во время обеда, заметным, несомненно английским, акцентом в своем грамматически безукоризненном французском языке, усевшись за письменный стол, вынул переплетенную в красный сафьян книжку и, набросав в ней несколько строк, протянул ее, стоявшему рядом, Загряжскому. Тот взглянул и одобрительно кивнул головой. Сенявину показалось, что оба они, в этот момент, бросили взгляд в его сторону...

— Прошу, господа, сказал Загряжский, покидая своего собеседника и делая пригласительный жест в сторону стола, — чашку хорошего турецкого кофе, по особому рецепту.

Гости расселись. Хозяин любезно наклоняясь к каждому, разливал ликеры, засверкавшие в граненом хрустале разноцветными огнями драгоценных камней. Из столовой донесся взрыв голосов. Можно было разобрать настойчиво повторявшееся: “просим... просим...”: Загряжский подошел к двери и приподнял тяжелую бархатную портьеру:

— А... а... это Рылеев собирается прочесть, что то из плодов своей музыки...

— Слушайте... Тише... Тише...

— Ода к свободе, раздался, покрывая утихавший говор, звенящий молодой голос.

Загряжский опустил портьеру.

— Пусть упиваются громкими словами, произнес он, с коротким, неприятным смехом, — эти энтузиасты поработают на нас... А нам сейчас не до поэтических восторгов. Нас ждет более серьезное дело...

Собравшиеся вокруг стола, жестом одобрили его слова.

— Прошу Ваше Превосходительство, сказал Загряжский, протягивая Сенявину рюмку с золотистым ликером, — и разрешите приступить к делу?

— Продолжим разработку проекта? — спросил один из штатских, вынимая из кармана сюртука объемистую пачку исписанных листов.

— Не сейчас, Павел Иванович, остановил его вкрадчивым голосом Загряжский. — Ваш труд бесконечно ценен и делает честь вашей глубокой эрудиции, но...

— Но сейчас, надо действовать, а потом уже разво-

дить теории, прервал его нетерпеливо один из генералов.

— Как угодно, отозвался несколько обиженным тоном тот, кого называли Павлом Ивановичем, складывая опять свои бумаги.

— Но ведь это, в самом деле, так, Павел Иванович, примиряюще вмешался другой генерал, — проект конституции становится жизненным только после отречения...

— Или устранения, пробормотал какой то голос в тени.

Сенявин насторожился — “отречения... устранения... о чем они говорили?

Первый генерал поднялся с места.

— Господа, заговорил он, отпив глоток ликера, — разрешите кратко, по военному, резюмировать положение и наметить дальнейшие шаги...

— Просим... просим...

— Как вам известно, продолжал генерал, — распад нашего “Союза Благоденствия”, произошел потому, что мы на юге и некоторые, более дальновидные люди, здесь на севере, — он сделал полу-поклон в сторону своих слушателей, — пришли к убеждению, что полумерами ничего достичь нельзя, тогда как они, — он кивнул головой в сторону столовой, все верят в единую спасительную конституцию...

Сенявин слушал, затаив дыхание. Он еще не осознал полностью к чему клонила речь генерала, но уже насторожился всем существом, как, бывало, на мостике корабля, когда, при видимо спокойном состоянии моря и неба, какое то шестое чувство предупреждало о надвигающемся шторме. Генерал продолжал:

— Нам всем ясно, что с монархией.. Да не мешайте вы все время, Анатолий Станиславович, повернулся он резко в сторону Загряжского, пытавшегося, что то шепнуть ему на ухо, — с монархией надо покончить раз и навсегда. Только единая неделимая Российская республика может дать народу свободу и благоденствие.

Среди слушавших, раздался ропот одобрения.

Как молния, сверкнувшая во мраке штормовой ночи, открывает внезапно, кипящие буруны, на которые несется корабль, так блеснуло в мозгу Сенявина сознание той бездны, в которую эти люди увлекали Россию... Но надо было выждать, дослушать до конца... Генерал заговорил снова.

— Работу в армии ведем мы и надеемся вскоре иметь в своих руках сухопутную вооруженную силу. Нам нужен флот, а для этого — помощь Вашего Превосходительства, — он поклонился Сенявину. — Ваша подпись на воззвании к флоту, ваше выступление перед офицерами — залог нашего успеха. Все будет налажено нами — поездки, собрания... В расходах стесняться не приходится, благодаря щедрой помощи, оказываемой нам через нашего друга лорда Витимора, он поклонился англичанину и, взяв из его рук, написанную им бумажку, положил ее на стол перед Сеня-

виным, этот чек — обеспечит вам все расходы... а вот и воззвание... Идя рука об руку с нами, вы поведете флот на борьбу за свободу и... сможете сториною отплатить за нанесенную вам обиду. Загряжский, дайте перо... Ну, что вы стоите?

— Вы погубили все дело, проскрежетал Загряжский, указывая дрожащей рукой на адмирала.

Сенявин резко поднялся. В висках стучало, горло сдавливало накипевшее, нечеловеческим усилием сдерживавшееся негодование.

— Иуды, бросил он в лицо, отшатнувшимся от неожиданности, заговорщикам, — Иуды, продающие Россию за серебряники ее заклятого врага, вашего “друга”, Англии... Вот мой ответ... Он схватил со стола чек и воззвание и, разорвав их на клочки, швырнул под ноги генералу. — Растравив, с дьявольской хитростью старую рану, пытаясь одурманить измученную душу вашим лживым участием, вы смели думать, что соблазните меня на подлую измену?.. Если Государь несправедливо меня обидел — судьей ему один Господь. Не мне и не вам, изменникам своей присяге, позорящим мундир и самое имя Русского офицера, судить его.

Он прошел сквозь невольно раздавшуюся группу заговорщиков и направился к двери.

— Ваше Превосходительство, ради Бога... бросился к нему Загряжский, пытаясь удержать его за руку.

— С дороги, негодяй... в глазах Сенявина было нечто, заставившее Загряжского отшатнуться... Тихо скользнула на место тяжелая портьера.

.....

Особняк в засыпанном снегом саду, давно уже остался далеко позади, а Сенявин все шел и шел, не останавливаясь, не обращая внимания на дорогу, не чувствуя ни холода, ни усталости... Это последнее жестокое издевательство судьбы его добило. Осталось одно, инстинктивное, сознание долга — скорее предупредить, поднять тревогу... Это чувство и гнало его вперед, придавая еще какие-то силы... В нем же самом не было больше ни гнева, ни возмущения, ни отчаяния — все умерло... На душе было холодно, темно и пусто...

Глава V.

...Понемногу, возвращалось сознание... Сенявин приоткрыл глаза, попытался приподняться... Голова закружилась и он снова упал на подушку... Прошло несколько минут, пока он смог опять открыть глаза и осмотреться...

Да, это была его комната... Он лежал в постели, днем, судя по яркому, зимнему солнцу, пробивавшемуся сквозь мутные стекла окна... С усилием повернув голову, он увидел на придвинутой к кровати табуретке какие то склянки с длинными рецептами, чашку с мелко нарубленным льдом... значит он болен... Чем? Сколько времени?..

Мучительно медленно заработала мысль... Вставали какие то смутные образы. Яркий блеск свечей, го-

вор, шум, звон бокалов... Кто то говорит, но он не может разобрать слов... Опять тьма... провал... Какая то высокая фигура стоит у кровати... Медленно подняв руку, она не то грозит ему, не то напоминает о чем то... Поблескивает кираса на темно зеленом кафтане... Где он видел это лицо?... Давно, давно... И вдруг отчетливо вспоминается: в кабинете отца, портрет пра-прадеда. Он ясно видит себя мальчишкой в голубом камзоле, с тугой косичкой, вскарабкавшимся на большой диван и пытающимся разобрать потемневшую, написанную киноварью, мелкими вычурными буквами, надпись: "Шаутбенахт Наум Сенявин, победитель шведов в баталии при острове Эзеле, служившейся в лето от Р.Х. 1719, июня..." опять все потемнело...

Близко светятся вдруг карие глаза "Звездочки"... Но в них написаны тревога, испуг... Почему?... Их заслоняют другие глаза, смотрящие на него сквозь большие роговые очки, умным добрым взглядом... Прохладная рука ложится на пылающий лоб... Как это хорошо... Слышатся голоса... Он силится разобрать... Какая болезнь?... Кто сказал это?... Что это значит?... Снова все тихо... пусто...

Он снова открыл глаза. Как хорошо он спал... Сколько времени?... Час?... Сутки?... Солнце значительно передвинулось и освещало теперь только верхние стекла окон. Голова не была больше такой тяжелой, затуманенной... Мысль заработала и... вдруг, все вспомнилось...

Посещение Загряжского... Обед... Тронувшее его до глубины души внимание, уважение, казалось даже, любовь... Глубокое удовлетворение, радость, счастье — не быть забытым, ненужным... И... страшное пробуждение. Вспомнилось, как яркой волной блеснуло сознание, что все это было лишь искусно разыгранной комедией, гнусным обманом, чтобы одурманить, завлечь, сделать его соучастником готовившегося преступления... Теперь все вставало перед ним ясно, отчетливо, до мельчайших подробностей... Как он прошел сквозь группу отступивших перед ним заговорщиков, с каким чувством безгласности он оттолкнул, пытавшегося остановить его, Загряжского. Как права была Звездочка в своем инстинктивном отвращении к нему. Вспомнилось, как властный окрик заставил колебавшегося лакея открыть входную дверь... И затем, бесконечный путь по засыпанным снегом улицам... с одною лишь мыслью, дойти, поднять тревогу, крикнуть о готовящемся, безумном преступлении. И холод, ужасный холод в душе, бесконечно более страшный, чем холод морозной ночи... Вспомнилось, как он, лишь случайно, заметил, что выбежал оттуда без плаща и фуражки, и как безучастно он отнесся к этому... А дальше?... Дальше начинался черный провал...

Стекла в окне вдруг задребезжали... Какой то глухой рокот прокатился вдали... Второй, третий раз... Гроза?... Зимою?... Нет, то был пушечный гром. Почему? Салют с крепости? Какой же праздник может быть сегодня?... Он, с усилием, приподнялся на локте.

Дверь растворилась.

— Господи Иисусе, бросилась к нему вошедшая хозяйка, никак очнувшись Митрий Николаевич?... Вот барышня то обрадуется. Уж так она убивалась за вас.

— Она была здесь? — проговорил он слабым неуверенным голосом.

— Ну как же. Почитай, через день заезжают. И дохтура привезли... Да ведь они то сами и нашли вас, как вы без памяти на полу лежали... Чегой то я? Господи пожилуй... Дохтур ведь строго на строго наказывали...

— Ничего, Марфа Фоминишна... А почему стреляли сегодня? Праздник, что ли?

— Помилуй Бог, какой там праздник... Страсти какие творятся... Чтож я опять... Дохтур рассерчают, что вас растревожила.

— Говорите все толком, Марфа Фоминишна, что творится?

— Да не разберешь никак... Как Царь батюшка Богу душу отдал... тому уже недели три, а то и четыре будет... Вы все без памяти лежали... Так вот народ к присяге приводить стали новому Государю Кистентину Палычу... А вчерась, квартальный объявлял, что, мол, ошибка вышла и наново, значит, присягать будем — братцу ихнему, Миколаю Палычу... Сегодня с утра, по церквам значит... А которые господа офицеры несогласные, потому, говорят, незаконно это Кистентина Палыча забирают... Ну и солдат своих подняли — защищать Царя...

— Ну, и что же?... — задыхаясь спросил Сенявин. Вспомнились речи заговорщиков... Он не успел предупредить. Болезнь не во время свалила его...

— Да вот, Евстигней, извозчик, приехал сам не свой... Еле грит ноги унес... На Сенатской площади видимо-невидимо солдат... А кругом значит другие... И палат друг в друга... Генерал какой то важный подъехал, ан его пулей с коня ссадили... Митрополит было увещевать стал — слушать не захотели Владыку... Кричат все "ура, Кистентин, ура"... Конницу на них пустили — тоже отбили... Теперь вон опять палить начали... с пушек. Господи... Митрий Николаевич... — Марфа Фоминишна испуганно прервала свою болтовню и бросилась к упавшему в глубокий обморок больному.

М. фон-Кубе.

(Продолжение следует).

Юнкер Эймелеус

(Отрывок из книги "От Тифлиса до Парижа").

Суббота в Николаевском кавалерийском Училище. Юнкера торопятся в отпуск. С верхнего этажа ("толубятни") сбегает юнкера сотни. Мелькают формы всех войск — красные лампасы донцов, желтые — забайкальцев, черески терских и кубанских казаков. Юнкера эскадрона облачаются во все "собственное". В помещении звон шпор. В моде шпоры Савельева и "Корибуты". У всех заново отлакированы белые портупей, красивые каракулевые драгунки с Андреевской звездой. Многие, отступая от формы, надевают рейтузы "галифе" или "бриджи", рискуя остаться за это без отпуска. Юнкера должны быть коротко острижены (длинные волосы — писарской шик). Гордость кавалерийского юнкера — это длинная, с разрезом сзади, шинель. Звон шпор должен быть особенный "малиновый". Мундир заказан у Каплана, сапоги у Гозэ... Уходя, нужно явиться дежурному офицеру. Малейшая неисправность в одежде, пятнышко на белых перчатках, незастегнутая пуговица, неловкий поворот — и юнкер может остаться без отпуска. А отпуск сулит столько удовольствий.

Но вот последняя преграда позади и юнкер на улице. По традиции, он должен ехать на скромном извозчике. Сестра на лихача — плохой тон. Шататься по улицам пешком, глазеть на витрины, нести под мышкой кулек или хлеб — вещь недопустимая. Корнет "внушают молодежи "останавливаться против мясных, куриных и зеленых лавок и выражать свои восторги при виде всевозможных яств — строго воспрещается"... Главная забота юнкера это отчетливо отдавать честь направо и налево.

Училище опустело. Я дневальный и брожу между рядами коек. "Примите новичка, Эймелеуса, и покажите ему все"... обратился ко мне дежурный офицер, Тверской драгун, ротмистр Дюброев, указывая на вновь прибывшего, в штатском. Молодой человек "с вокзала", как говорят юнкера про новичков не из кадет, кажется неуклюжим, мешковатым. "Гроб мужчины" — думаю я. Так называют юнкера плохих строевиков, в отличие от лихих, которых называют "пистолет мужчины" или "красавец корнет".

Я показал Эймелеусу классы, дортуары, конюшни. В гимнастическом зале я остановился перед лестницей. "Каждый юнкер должен уметь лазить по лестнице на руках", сказал я и пролез несколько ступенек. Делал я это не без труда. Эймелеус смотрел внимательно. Ни один мускул не дрогнул на его лице, — а между тем, это был, как я впоследствии узнал, выдающийся спортсмен.

Случайно, его кровать оказалась рядом с моей и я стал к нему присматриваться. Он был финн, плохо владел Русским языком. Лекции он сначала переводил с Русского на шведский язык, а потом уже учил их. Все еще спят, а он уже встал и отправляется в классный флигель. "Учить уроков не трудитесь", гла-

сит зверианада, юнкера "зубрил", высмеивают, но это его не смущает. В нем чувствуется какая то злупотрешная сила. Делает он все без шума, но постоянно, чем то занят. Через несколько месяцев он уже обходился без словаря и часто можно было слышать: "послушай, Карла, ты наверное знаешь эту лекцию, объясни мне". И Карл объяснял. Как то раз, пришли на его имя длинные, тяжелые ящики. По поводу их он вел долгие переговоры с командиром эскадрона — после чего, рабочие стали распаковывать и устанавливать на площадке, в конце дортуара, великолепный турник. Когда все было готово, юнкера полезли на него, дрыгая ногами, падая и стараясь показать какой нибудь "номер". Вспомнили, наконец, об Эймелеусе.

— Карла, а ты что же не принимаешь участия? Попробуй...

Карл стал раздеваться и все ахнули при виде его прекрасной мускулатуры. Надев трико, он натер канифолью ладони, проверил натяжение турника, стал под ним и на минуту замер. Все почувствовали, что сейчас увидят что то особенное... И действительно...

Эймелеус поднял голову — одно легкое движение, красивый взлет, размах без всякого видимого усилия и он уже стоит на руках... Круг в воздухе... еще и еще... ноги проходят между руками... Размах и Карл на земле.

— Bravo, bravo... Айда Карлуша... Салазки ему... салазки...

В результате, он организовал в училище команду "соколов", которая блеснула на знаменитой "Лермонтовской" карусели, в громадном Михайловском манеже. В этот день, в ложах манежа, был "весь Петербург".

Постоянный состав Офицерской Кавалерийской Школы показывал высшую школу езды. Под звуки "матчиша", выступала смена в составе которой были "боги езды" — Химец, Мерчуле, Абелов, Бертрен, Губин, Панаевы и др. В такт музыке, лошади идут, высоко подымая ноги, как бы танцуя матчиш. Идут затем рысью, выбрасывая прямые ноги вперед, идут галопом и берут барьеры.

Проходят офицеры всех полков гвардии, в исторических формах. Дамская езда... Юнкера сотни Николаевского Кавалерийского училища приводят публику в восторг джигитовкой. Один за другим несутся они, выделяя самые головоломные номера. Вот скачет кубанец Бабиев, проделывая трудный и опасный номер, прозванный юнкерами — "мертвецом". Маленький, изящный терек Гажеев проделывает на задней луке "верхушку". Несутся, стоя вверх ногами, забайкальцы братья Кукулины. Не отстают в ловкости Лисевский, Лосев, Грибановский, Агоев. Задолго до карусели, донец Лосев тренировался в падении с лошади. Это эффектный "номер". Перед публикой разыгрывается сцена погони. За Лосевым гонятся и

стреляют на ходу. Знали мы, что он мастер падать, но, когда он, на полном скаку, взмахнул руками, откинулся назад и покатился “кубарем” по земле, даже мы заволновались, о публике же и говорить нечего.. А к нему уже подскакивают “спасители”, валят рядом коней, кладут его поперек седла и, отстреливаясь, скрываются.

На арену выводят шесть лошадей. Через них прыгают, делая “сальто-мортале”, юнкера эскадрона граф Николаша Зарнекау, Кузьмин-Караванев, Агапов, Жигалин, Коваленский, В. фон-Рихтер.

Юнкера эскадрона изображают средневековый турнир. Сокола Эймелеуса, в белых костюмах, производят “фурор”, — публика, без конца, просит повторения. Восторг публики понятен, ибо в команде, не считая Эймелеуса, были такие спортсмены, как например, В. Данич, бравший впоследствии призы на 5-й Олимпиаде в Стокгольме и предназначавшийся в инструкторы при Дворце Спорта, который предполагалось воздвигнуть в Стрельне.

И опять Эймелеус. Стоя на двух лошадях и управляя шестеркой, он идет рысью, галопом и преодолевает барьеры.

На другой день в Школе только и разговоров, что о карусели. Виновник блестящих номеров, Эймелеус, скромно сидит на своем месте, и что то пишет.

— Что ты там строишь, Карл? — спрашиваю я его.

— Пишу корреспонденции в газеты и журналы Швеции и Финляндии. Это мой заработок и, вообще, интересно. Деньги мне нужны, на книги, на театры, балы, посещение музеев.

Из разговоров с ним, я выяснил, что он был основателем многих спортивных обществ в Финляндии. Участвовал он и во всевозможных состязаниях в различных странах. В его чемодане — целая гора все-

возможных афиш, а также шкатулка со значками и медалями за разные виды спорта.

— Почему ты так легко проделываешь самые трудные номера? У нас есть юнкера сильные, отважные и ловкие, но у них видно усилие, а ты все делаешь шути. В чем секрет? — задаю я вопрос Карлу.

— Дай твою руку и приложи ее сюда, вместо ответа предлагает Карл и показывает на свой бок.

Я прикладываю руку и чувствую, что под рукой появляется громадный, твердый, как камень, мускул.

— Вот видишь, упорной и систематической работой я развивал не только мускулы на руках, развивал я их везде. И теперь, один мускул помогает другому. Система и упорная работа делают чудеса... И, кроме того, во всем должно быть равновесие: вчера я выступал на карусели, сегодня пишу статьи, завтра буду зубрить, а в воскресенье — развлекаться...

Он, действительно, успел проделать многое: еще до поступления в нашу Школу, он уже служил сержантом в линейной кавалерии, в Техасе, заведывал плантациями в Бразилии, исполнял должность капитана на речном пароходе, был гаучосом... Окончил он училище португез-юнкером и вышел в Киевский гусарский полк. Из полка он прислал мне на Кавказ мерку своей ступни с просьбой заказать ему сафьяновые сапоги: он собирался в Персию охотиться.

Через несколько лет, он опять оказался в Николаевском Кавалерийском училище, уже на должности офицера инструктора. Во время войны 14-го года, я потерял его из вида. После войны он был военным представителем Финляндии в Берлине и всегда оказывал содействие Русским эмигрантам, прибегавшим к нему за помощью. Вспоминаю его я часто, как человека, знавшего цену времени и умевшего им пользоваться. Вспоминаю и его слова: “Система и упорная работа делают чудеса”.

Г. Танутров.

На Московских бегах

Еще будучи в Первом корпусе, я увлекался всякими, существовавшими в то время видами спорта, правда примитивными и чисто кадетскими. Особой моей любовью пользовались “кобылы”, большая и малая. Прыгать через них я мог без конца и всякими способами, — передом, задом и через голову. О правильном футболе у нас понятия были смутные. Мы просто делились на две равные партии, человек по тридцать в каждой и, всякими способами, сокрушая все на своем пути, старались загнать мяч в “ворота” противника. Так как настоящих ворот у нас не было, то каждая партия обозначала их, складывая в две кучи свои бушлаты и фуражки. Судей не было и в помине, так как все приемы считались правильными. Можно сказать с уверенностью, что такого отчаянного футбола и больше никогда в жизни не видел. Увлекались мы и “свечками”. Для “свечки”, футбольный мяч бился ногой с таким расчетом, чтобы он летел вверх вертикально и как можно выше. Верхом достижения и совершенства считалось подать ногой мяч с такой силой, чтобы он,

перелетев через здание корпуса, упал на улицу — “первую линию”. Малыши часто, окружив меня, подавали мяч и кланчили: “Ветлиц, пожалуйста, на первую линию и обратно”. Через минуту, от моего удара, мяч летел через крышу, а малыши с диким криком бежали мимо обалдевшего швейцарца, его выручать. Восторг был полный, если “специальные наблюдатели”, смотревшие из окон, доносили, что мяч упал на голову какой-либо дамы или на спину извозчицкой лошади, которая от страха неслась карьером по улице, забыв свою тяжкую жизнь. После этого меня обыкновенно призывал к себе дежурный офицер, для объяснений. Я подходил с невинной физиономией и оправдывался тем, что произошло-де совершенно случайно. На этом, обыкновенно, дело и кончалось.

Во время перемен, между уроками, мы не оставались без дела. Здоровый организм требовал движений, и мы начинали играть в своеобразный футбол, в котором мяч, не без успеха, заменяла моя фуражка, а “ворота” для простоты отмечались на полу ме-

лом. Эту свою фуражку я и вспоминаю с большой любовью, до сих пор. В то время, Государь с Императрицей посещали наш корпус почти ежегодно. Посетили они его и в тот год, когда я был в 5-м классе. Как сейчас помню тот день. Был у нас урок алгебры, которую преподавал полковник Квадри, и меня вызвали к доске, отвечать Бином Ньютона. Откровенно сознаюсь, ни в то время, ни сейчас я об этом “биноме” не имел и не имею никакого понятия. Поэтому, к доске я выпел, имея шпаргалку с которой очень точно и красиво списал всю премудрость в ней заключенную. Едва я с успехом закончил это опасное предприятие, как влетает дежурный офицер и объявляет, что Император и Императрица пожаловали в корпус. При этом известии, все кадеты подтянулись, а головы сами собой повернулись к двери, откуда должны были войти Царь с Царицей. Я же, обратившись в истукана, с ужасом смотрел на списанные мною формулы и не знал, что мне делать. Не растерялся один Квадри. Он подошел ко мне, мельком взглянул на написанное мною и сказал:

— Отлично. Вы сегодня, против обыкновения, хорошо выучили урок и будете иметь счастье отвечать при Императоре.

Ужас сковал меня окончательно от этих слов, так как из всего мною написанного, я помнил только $A^2 + 2AB + B^2$. Дальше мои познания в “биноме” не простирались. С дрожью в голосе, заикаясь от страха, я стал просить отпустить меня на место, а вызвать хорошего математика. Квадри сначала не соглашался, но вся моя убитая фигура вызвала в нем очевидно сомнение в “хорошо выученном уроке” и он, наконец, снизошел к моей мольбе.

Только что, счастливый от прошедшей благополучно беды, я добрался до своей парты, как вошел Государь, и Государыня тотчас же села на поданный стул, в двух шагах от меня, а Император, подойдя ко мне, взял учебник алгебры и стал его перелистывать. Страх у меня как ни бывало. Я тотчас вскочил и громко доложил Его Величеству, что задан “бином Ньютона”. Царь оторвался от книги и стал меня рассматривать. В это время Его взгляд остановился на моей футбольной фуражке, во всей своей красе, с вырванной подкладкой, сломавшимся козырьком и замазанной охрой, которой натирали полы, скромно лежавшей на парте. Царь взял ее в руки и начал рассматривать, качая головой и улыбаясь. Когда же дело дошло до козырька, Он просто рассмеялся. На козырьке очень разборчиво сохранилась надпись: “не тронь милашка, не твоя фуражка”. Очнулся я от всех переживаний, когда Их Величества садились в коляску, заложенную парой чудных рысаков-великанов. Богатырь кучер с колодкой медалей на груди, еле их сдерживал. Вся кадетня, больше 500 человек, бросилась с криком ура за коляской. Не соображая ничего от охватившего меня восторга, я летел одним из первых, рядом с коляской. Каждому из нас хотелось быть ближе к обожаемому Монарху и в, получившейся от этого, свалке, многие упали.

Заметив это, Император приказал кучеру ехать тише, а сам стал поддерживать кадет, влезших на подножку экипажа. Здесь я был в своей сфере, а потому очень скоро очутился почти на козлах, держась за кучерский армяк, к великому неудовольствию его владельца. За меня уцепились два брата Крыжановские — кубанские казаки, мои неразлучные приятели, а за них другие. Таким образом, коляска оказалась облепленной со всех стороны кадетами. Когда подъезжали к Дворцовому мосту, мои руки не выдержали и я, упустив своего благодетеля-армяк, рухнул со всей прицепившейся ко мне компанией в снег. Увидя нас лежащими в куче, Царь, остановил лошадей и поблагодарив нас, поехал через Неву, во дворец. Мы же, счастливые до предела, вернулись в корпус.

Надо сказать, что, благодаря моей непоседливой натуре, со мной изредка приключались “аварии”. В первой из них, мой приятель, не попав “лаптой” по мячу, угодил концом ее, очень удачно мне по лбу. Лапта была сделана из стаченной у служителя ручки от швабры и более чем основательно. Шрам, оставшийся на память от нее, украшал мой лоб несколько лет. Вторая авария случилась у знакомых в Луге. Будучи в гостях, я случайно забрел на кухню и увидел старинный стул, мирно стоявший в углу. Почему-то мне пришло в голову использовать его для “стойки”. Я моментально уперся в него руками и подняв ноги кверху стал выжиматься. Все упражнение прошло у меня безукоризненно, но вдруг стул рассыпался, очевидно, от старости, и я с грохотом полетел на пол, смертельно перепугав хозяйку дома. Голову себе я тогда, к своему удивлению, не разбил, но сухожилие на правой ноге растянул основательно, так что месяца два хромотал.

В третьей “аварии”, виноваты важные японские офицеры, приехавшие осматривать наш корпус. Чтобы показать им “товар лицом”, нас человек тридцать, отравили в гимнастический зал и распределили по снарядам. Человек шесть, лучших прыгунов, в том числе и я, работали на “кобылах”. Как только вошли японцы, все мы зашрыгали и завертелись. Каждый работал не за страх, а за совесть, для родного корпуса. Смотр сошел блестяще и японцы, поблагодарив нас, собирались уже уходить, когда я, разбежавшись, оттолкнулся от кобылы руками, перевернулся в воздухе и со всего маху ударился поясницей о другой ее конец, случайно не рассчитав прыжка. От страшной боли у меня, что называется, “дыханье сперло”, но я и вида не подал смотревшим на меня японцам. Престиж родного корпуса был для меня дороже всего. За его славу, каждый из нас шестнадцатилетних мальчишек перенес бы безропотно и худшее.

После окончания корпуса и училища, будучи уже офицером в Москве, я увлекся конским спортом и особенно бегами. Футбол был заброшен и я не прикасался к мячу несколько лет. В 1917 году, от милых переживаний революции, я снова начал в него играть и в начале 18 года мне перебили ногу, ниже колена. Со спортом я должен был расстаться. После Крыма,

очутившись в благословенной Югославии, я сделался страстным охотником и исколесил эту, ставшую для меня родной, страну вдоль и поперек. Этот край — клад для настоящего охотника. Нигде в Европе нет таких медвежьих углов, таких дебрей, такого изобилия и разнообразия всевозможной дичи, особенно водяной. На “Шар-Планине” можно найти огромного медведя в 400-500 кило, дикие кабаны в 300 кило — не редкость, а про остальную дичь не приходится и говорить. Около Витоля и на болотах Баната осенью собираются миллионы гусей и уток, которые там и зимуют. Понав, помимо своего желания, в Австрию, я с сожалением смотрю на здешних охотников и на их безнадежные попытки убедить себя, что они действительно “охотятся”.

Увлеченный бегами сразу, как только их увидал. Должен сказать, что Московский ипподром того времени, по своему богатству и числу рысаков, участвовавших в состязаниях, считался одним из первых в мире. Приведу несколько показательных цифр. В 1914 году на нем работало свыше 5.100 рысаков, из них 1.416 получило призы. Захватывающая красота состязаний произвела на меня такое сильное впечатление, что я решил и сам отдаться этому благородному спорту. Наш предводитель дворянства, узнав о моем решении, пробовал меня отговаривать, утверждая, что мне там не место. Я поступил по своему и был этим счастлив, так как ни один вид спорта не доставлял мне столько переживаний и не захватывал меня, как бега.

Теперь уже мало осталось в живых хорошо помнящих знаменитые московские бега. Надо сказать, что внутреннюю, чисто семейную жизнь ипподрома, из посторонних, — мало кто знал. Это было обособленное государство, со своими правилами, обычаями и выражениями. Ни владельцы лошадей, ни наездники не выносили ничего за границы своего мирка. Да в этом не имелось и надобности. Вся машина ипподрома была настолько грандиозна, что объединяла вокруг себя людей самых различных в смысле положения, но тесно связанных между собой любовью к рысистому спорту, спорту заложенному у нас полтора столетия назад графом Орловым Чесменским и ставшему — национальным. Если в литературе и появлялись рассказы о жизни ипподрома, то “развесистая клюква” занимала в них далеко не последнее место. Поэтому мне хочется правдиво передать мои переживания в одном из заездов праздничного бегового дня, когда на ипподроме бывала “вся Москва”.

Выйдя в запас, я поступил в ученье к, известному в то время, наезднику В. Н. Гусакову. С чувством большой любви и уважения я вспоминаю этого простого, но прекрасного человека, выдвигавшего меня, иногда в ущерб своим собственным интересам. У него мне пришлось познакомиться и со многими знаменитостями того времени, как П. И. Ситников, В. С. Сергеев, В. В. Соколов и др. Особенно меня интересовал П. И. Ситников. В то время он очень много зарабатывал, имел прекрасную дачу и даже автомо-

биль, на котором шофером служил разбившийся авиатор Масленников. Рассказы этого Масленникова так действовали на нашего П. И., что он решил и сам испытать всю прелесть авиации. Для своего полета он сговорился с авиатором Россинским, который согласился взять его с собою. В один прекрасный день, после обычной, утренней работы лошадей, П. И., стоя в наезднической, с гордостью заявил, что завтра он летит. На следующий день, более любопытные из наездников пошли на Ходынку полюбоваться неустрашимостью П. И. В то время, на заре авиации, летать было не безопасно.

Еще автомобиль П. И. не показавшись на аэродроме, а уже стало известно, что жена его звонила в канцелярию губернатора и просила не разрешать ему летать, т. е. он, дескать, сел с ума и его надо немедленно посадить в сумасшедший дом. Россинский стоял около своего аэроплана и что-то острял по этому поводу. Наконец появился автомобиль. П. И. выходит из него, здоровается с Россинским и оба лезут на аэроплан. Через несколько минут, мотор затрещал, запылел и аэроплан стал подниматься. Фигуры авиатора и сторбившегося П. И. были ясно видны. Взлетев довольно высоко и сделав три-четыре круга, Россинский спустился “планирующим спуском”, который оказался губительным для организма почтеннейшего П. И. и сделал его сказкой всего ипподрома. Когда аппарат принизился, Россинский сразу же слез с него, в то время как П. И. продолжал сидеть, судорожно сжав пальцами шасси, вперив свой неподвижный взор куда-то в пространство и бледный как полотно, очевидно от слишком больших переживаний. С большим трудом удалось разжать судорожно зажатые пальцы и усадить неудачливого авиатора в его автомобиль.

В большинстве своем, наездники наши были широкоплечие, сильные и здоровые люди. Вес у нас особой роли не играл, поэтому единственная женщина-наездница В. Ф. Костенская, маленькая, худенькая выделялась среди других ездоков. Имела она трех лошадей — Зипуна, Земляка и еще одну, не помню как ее звали. Лошади — были резвые и она на них иногда выигрывала. Однажды она побила лучшую лошадь, на которой ехал Ситников, имевший все шансы выиграть, за что тот и был освистан, ставившей на него, публикой. Это дало мне повод над ним подтрунить: “ну, какая ты знаменитость, раз бабе проигрываешь”. “Смотри сам не проиграй ей”, огрызнулся он.

В то время, кроме других лошадей, я работал серого жеребца “Бисера”, принадлежавшего Балашеву. Это был чистопородный орловец, огромный и горячий. К тому же он был тугоузды и страшно тянул, особенно сразу после старта. Я на нем уже выиграл первый и второй призы. Мне он был по рукам и охотно отдавался работе. Вот на нем-то я и должен был ехать летом 1914 года, в большой праздничный день на “Членский Приз”.

Александр Ветлиц.
(Окончание следует).

ТАБЛИЦА I

К статье "Русская военная медалистика"

Владимира фон Рихтера

Год месяц число	НАИМЕНОВАНИЕ СОБЫТИЯ Надписи на русск. языке	Ø в м/м	Медали для ношения		Монеты наградные Черв. Рубл.		Медал памяти на стол	
			Зол.	Сер.	Зол.	Сер.	Зол.	Сс
I 682	На совместное царствование Иоанна и Петра I-го, под опекой Софии	44	○	○				
I 696	На взятие Азова	48					? ○	? ○
I 702	На взятие Шлиссельбурга	70					○	○
-	-	52					○	○
Ок I 702	Наградные на разные случаи	46	○					
-	-	39	○					
-	-	28	○					
-	-	20	○					
I 703	На взятие двух шведских к.	62	? ○					
-	-	55		? ○				
I 704	На взятие Нарвы	50			? ○	○		
I 706	За победу при Калише.							
-	Овальная	43x39	○					
-	Круглая	53	○					
-	-	28	○					
-	-	23	○					
I 708	За победу при Лесном.							
-	Овальная	41x36	? ○					
-	-	31x28	○					
-	Круглая	32	○					
-	-	28	○	○				
-	-	24	○	○				
1709	За победу при Полтаве	49	○					
-	-	43		○				

Род всех число	НАИМЕНОВАНИЕ СОБЫТИЯ Надписи на русском языке	С В М/М	Медали		Монеты		Медали	
			для ношения		наградные		памяти	
			Зол.	Сер.	Зол.	Сер.	Зол.	Сер.
1711	На сооружение 4-х флотов и господство на 4-х морях: Овальная	41x36	○		○			
	"	31x28	○		○			
1713	На 2-ю экспедицию Русского флота в Финляндию	69					○	
	"	60					○	
	"	54					○	
1714	За победу при Вазе	41	○	○				
1714	За победу при Гангуте	69					○	
	- - - -	61					○	
	- - - -	41		○				
	- - - -	33	○					
1716	На командов. 4-я флотами при Борнгольме	55					○	
1719	За взятие 3-х шведск. фрег.	53					○	
	- - - - -	46	○	○				
	- - - - -	41	?				?	○
	- - - - -	27	○				?	○
1720	За взятие 4-х шведских фрегатов у Грэнгамна	61					○	
	"	41	○	○				
	"	37	○					
	"	27	○					
1721	На Ништадтский мир	60					○	
	- - - -	53					○	
	- - - -	41	○	○				
	- - - -	38	○					
	- - - -	29	○					
	- - - -	26	○					
1723	На взятие Баку (или наградн. казакам?)	54					○	

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЕДАЛИСТИКА

(Продолжение)

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I

Нам известны многие исторические документы, свидетельствующие о награждении сначала “гривнами”, а потом “золотыми” до конца XVII века, — как примеры извлекаем только два нижеследующих: а) За победу над половцами, Великий Князь Владимир жалует Золотую Гривну. “В лето 6508 (1000 год по Р.Х.) прииде Володарь со половцы к Киеву и изыде ношью во сретение им Александр Попович и Володаря и брата его и иных множество половец избих... и се слышав Володимер и возрадовася зело и возложи на нх Гривну Злату” (Русская Летопись по Никоновскому списку ч. I; б) Пожалование “золотых” Иоанном Грозным — “и Государь за ту службу пожаловал дворянам государевым по Золотой Ноугородке, а иным — по Московке золотой, а иным — по золоченой”. (Разрядная Книга под 1577 г. — за Ливонский поход).

Наступившее царствование Петра I — или недостаточно, с этой точки зрения, еще изучено, или его “медальные” документы не сохранились. Прилагаемая таблица разделена на три графы: а) Медали для ношения, б) монеты-медали наградные, в) настольные памятные медали. Предполагаем, что Петр I награждал своих подданных медалями только с *русскими* надписями; допускаем, что припаянное ушко (или просверленная дырка) не всегда свидетельствует о том, что медаль была “для ношения” (ибо ушки и дырки, ради украшения цепочек и ожерелий, находим на *всех* монетах и медалях). Но когда ушко чеканено с медалью — тогда медаль безусловно была для ношения, а в Русской медалистике *первой* такой была — Чесменская (может быть и Кагульская) — 1770 г. По смыслу надписей на оборотных сторонах медалей мы можем предположить в какую графу данная медаль может быть внесена.

Эта статья (и таблица), описывающая шесть десятков медалей, составлена на основании: а) “вещественных доказательств”, т.е. медалей, имеющих в разных коллекциях, преимущественно Русских эмигрантских (около 20, причем золотые имеются лишь по одному экземпляру, серебряные же, особенно Полтавские, Ништадтские — представлены в нескольких экземплярах) и б) печатных источников, как иностранных, так и Русских. Огромное большинство штемпелей, на которых чеканились *оригинальные* Петровские медали, давно исчезли (кроме двух), архив же СПб Монетного Двора (его штемпеля описаны в каталоге Смирнова 1908 г.) — ведет свое начало только с царствования Императрицы Анны Иоанновны.

Все петровские *настольные* медали с *латинскими* надписями не могут служить предметом описания в этом очерке. Дабы не удлинять текста, лицевые стороны упомянутых здесь “военных” медалей, к сожа-

лению не описаны. Помещаем ниже сокращенную библиографию, с обозначением букв, при соответственных ссылках.

Ивер — Ю. Б. Иверсен. Медали на деяния Императора Петра Великого. — СПб 1872 г.

Собр — Собрание Русских медалей, изданное Археологической Комиссией. — СПб 1840 г.

Пуш — А. С. Пушкин. Подготовительные работы к Истории Петра Кн. 2-я, том 6-й, “Полное Собр. Соч.”, изд. ОГИЗ 1946 г.

Г. Мих — Каталог коллекции Великого Князя Георгия Михайловича, распроданной на аукционе в Лондоне, 1950 г.

Гар — Ю. М. Гаршин. Рукопись “Русские Знаки Отличий. 1912 г.

Надписи на оборотных сторонах медалей
см. таблицу.

№ 1 — Медаль литая, отечественной фабрикации. Собр. “золотые и серебряные, были раздаваемы в виде подарков. Носились на шее и на груди на золотых цепях”.

№ 2 — Анонимная. “Молніями и волнами Побѣдитель”.

№ 3 — Русского медальера. “Былъ у непріятеля 90 летъ взятъ 1702 октября 21”. — Пуш. “всем офицерам золотые медали, солдатам всем — серебряные”.

№ 4 — Анонимные. — Собр. “Золотые медали, розданные в награду при разных случаях. Эти медали пожалованы частью для ношения, частью — в виде простой награды”. Первые две были в коллекции В. К. Георгия Михайловича.

№ 5 — Анонимные, русского медальера. “Небываемое бываетъ 1703”. Ивер. “офицеры получили золотые медали с цепями, а солдаты — серебряные, меньшего размера и без цепей”.

№ 6 — Анонимная, Русского медальера. “Не лестью, но оружіемъ спомощью Вышняго пріемлена”. Пуш. “розданы чиновнымъ людямъ бывшимъ при осаде”.

№ 7 — Медальеров Гаупта и Гуэна. “За вѣрность и мужество 1706”. О первой, овальной, золотой медали у Ивер: “эта овальная наградная медаль украшалась драгоценными камнями, как видно на двух экземплярах, хранящихся в Императорском Эрмитаже”. Остальные три, золотые, были в коллекции В. К. Георгия Михайловича (одна из них со следами дырки и припайки ушка).

№ 8 — Медальеров Гуэна и Гаупта. “За Леვენгауптскую баталию 1708”. “Достойному достойное”.

Собр.; о двух меньших медалях: “золотые и серебряные раздавались в виде награды”. История л.-гв. Преображенского п. 1883 г.: “награждены серебряными медалями: обер-офицеров — 39, сержантов, каптенармусов и капралов — 88”. Гар.: “хранились в Московской Оружейной Палате”. Две круглые и одна овальная, меньшая (работы Гуэна, неизданная), золотые были в коллекции В. К. Георгия Михайловича.

Пропускаю медаль “На построение гавани в Таганроге” — золотую, украшенную драгоценными камнями, выданную лично капитану М. Симонтову — 1709 г.

№ 9 — Медальеров Гуэна и Гаупта. “За Полтавскую баталию 1709”. О золотой с конным сражением у Ивер.: “была назначена в награду офицерам”. О серебряной, с пешим сражением — “была назначена в награду солдатам, носилась на голубой ленте”. Пущ.: “штаб и обер-офицеры — портреты Царя с алмазами, золотыми медалями; все рядовые — серебряные медали”. У Пущ.: “за взятие Выборга 1710 г., офицерам — медали золотые”. Но — какие? В. Р.).

№ 10 — Медальеров Гуэна и Гаупта. Русский государственный герб с 4-мя флагами в клювах и лапах; то же самое и на червонцах того же года. Ивер.: “была, как мне кажется, наградной медалью”.

№ 11 — Медальеров Гуэна и Кенига (?). “Имея надежду на Бога желаемъ получить благо 1713”. Первая из них была в коллекции маркиза оф Бют.

№ 12 — Анонимная. “За Васкую баталию 1714”. Собр.: “медаль эта золотая, она раздавалась за отличие” (В Император. Эрмитаже). Ивер.: “медаль для ношения”. Гар.: “была выдана для ношения на груди, на ленте” (Я помню эту медаль, но серебряную, продававшуюся в Петербурге в 1911-12 гг. за 25 руб. В. Р.).

№ 13 — Медальеров Гуэна, Кенига и анонимные. “Прилежаніе и вѣрность превосходит сильно 1714”. Ивер.: “раздавались в награду для ношения”. В коллекции В. К. Георгия Михайловича была меньшая золотая, с ушком. Серебряных (одна с ушком, одна с дыркой, одна без таковых) имеются три.

№ 14 — Анонимная. “Владычествуетъ четыремя”. Оригинальная серебряная была в коллекции маркиза оф-Бют.

(Опускаю две наградные медали, но с Русскими надписями: “на учрежденіе коллегій” и “на восстановление спокойствія в государствѣ”. Последняя особенно интересная. В. Р.).

№ 15 — Медальеров Гуэна и Кенига. “Прилежаніе и вѣрность превосходитъ силно 1719”. Указ Петра I

от 20 июня 1719 г. Монетной канцелярии: “Господин Президент, по получении сего отпишите в Москву, дабы на Монетном Дворе немедленно сделали монет золотых для раздачи морским офицерам, которые взяли 3 шведских военных корабля мая в 24 день сего 1719 г., а именно числом всех 67 разных сортов и велите сделать на одной стороне баталию морскую, а на другой — обыкновенную нашу персону”. Экземпляр такой золотой медали хранится в Московской Оружейной Палате (Снегирев. “Памятники Московских Древностей”). Ивер.: “наградная медаль”.

№ 16 — Анонимная. “Прилѣжаніе и храбрость превосходить сілу 1720”. Собр.: “раздавались в виде награды”. Ивер.: “наградная медаль”. В коллекции В. К. Георгия Михайловича были три золотые, из них одна с ушком, другая с дыркой. Большая серебряная была в коллекции маркиза оф Бют.

№ 17 — Анонимные отечественной чеканки. “Союзомъ мира связуемы. В Нейстатѣ по потопѣ Северныхъ войны 1721”. Собр.: “есть несколько таких медалей — величиною в рубль, и еще меньшие, золотые, с портретом Императора и без оного, раздававшиеся в виде награды”. В коллекции В. К. Георгия Михайловича были две золотые; серебряных с ушками и без них — известно несколько экземпляров.

№ 18 — Медальера Кенига. Российский государственный герб, под ним 1723. Ивер.: “наградная медаль” за Баку? Собр.: “раздавалась в награду допским казакам”.

В итоге, можно констатировать отрядный факт, что упорными стараниями двух Русских эмигрантов — собирателей и возглавителя Медального Кабинета (Национальной Библиотеки) в Париже д-ра А. Гийу исследование Петровской серии военных медалей сделало крупнейший шаг вперед, к сожалению не столько пополнением их документации (что возможно только в России), сколько приобретением, на иностранных “рынках”, ряда медалей (и их разновидностей), среди коих имеются даже “неизданные”, не описанные в отечественной литературе. Об одном надо пожалеть: это о невозможности приобщить к медальным статьям иллюстрации, вследствие общих материальных затруднений и отсутствия поддержки со стороны эмигрантской общественности. Автор отнюдь не претендует на непогрешимость и заранее благодарит за исправления и дополнения.

Владимир фон-Ризтер.

(Продолжение следует).

ЧЕСТНАЯ КНИГА

(Посмертные воспоминания генерала Деникина. Изд. имени Чехова).

“Что есть истина?” — оставшийся без ответа вопрос Пилата две тысячи лет тому назад...

С той поры пролиты потоки крови и слез. Костры инквизиции, религиозные войны и революции отмечают путь человечества в поисках Истины. Настал XX век, современный нам отрезок истории. На территории 1/6 земного шара шотом и кровью насаждается новая вера, упрощенная религия желудка, “хлеба насущного”... Насаждается и все никак не может утвердиться...

А здесь, по эту сторону завесы, мы, Русские эмигранты, хотя и безкровно, но не менее яро враждем друг с другом, спорим о путях к возрождению Родины. Ученые гинекологи — партийные начетчики — демократические кликуши и просто грабители-сепаратисты — все наперебой предлагают свои рецепты и каждый упорно стоит на своем. Опарашенные, сбитые с толку обывательские массы не знают кому верить.

Еще труднее ориентироваться в этой разногласиице тем немногим из иностранцев, которые безкорыстно и искренне хотят нам помочь выбраться. В конечном итоге, пока что: “воз и ныне там”.

До сих пор нищета и крайняя разбросанность эмиграции тормозила развитие широкой публицистики, всестороннее освещение вопроса в печати. И лишь, в самое последнее время, издательство имени Чехова принялось за дело в широком, чисто американском масштабе. Как часто случается, большой диапазон захватил, частично, и второстепенный материал. Но наряду с этим, были изданы и полезные, честные книги, дающие правдивое отображение Русской жизни, будь то современная действительность или дореволюционное прошлое нашей Родины. Достаточно упомянуть книгу А. Тырковой или воспоминания дочери Столыпина. Каждый добросовестный, непредубежденный читатель увидит там сколько несправедливых упреков было брошено и злонамеренно и по неведению, по адресу нашего прошлого.

Еще с большим правом заслуживают названия “честной” книги напечатанные им же посмертные воспоминания А. И. Деникина: “Путь Русского офицера”.

Имя генерала Деникина говорит само за себя. Скромный образ боевого командира одной из доблестнейших частей Русской армии бессмертной “Железной” дивизии (4-й Стрелковой) хорошо известен всем участникам 1-й Мировой войны. Содержание книги отражает полностью душу автора, пламенного патриота, стойкого поборника правды и справедливости. Как везде и всегда, и в нашей тогдашней военной среде были изъяны. Деникин нигде не согнулся, ни разу не вступил в компромисс со своей совестью.

Владея пером, обличал беспорядки в военной печати. Доверие к офицеру тогда было полное и цен-

зуры, в военной печати, можно сказать, не существовало. По окончании Академии Генерального Штаба, считая себя несправедливо обойденным, молодой капитан Деникин подал жалобу Государю на самого военного министра, всепленного тогда, генерала Куропаткина. Дело тянулось два года и, в конце концов, Антон Иванович добился правды — был восстановлен в своих правах.

Не одними нами, старыми военными, встречена эта книга с радостью и гордостью. Покорила она сердца и многих бывших “оппозиционеров”, штатских интеллигентов, сумевших с годами “прозреть” и честно отрешиться от партийного навождения и воздать должное пусть, может быть и отсталому но державшемуся Правды старому строю. Одним из этих “оппозиционеров” написано и предисловие к книге. Оно в первую голову подчеркивает неслыханную ими новость: генерал Деникин, оказывается, самого что ни на есть “пролетарского” происхождения, сын крепостного крестьянина, сдаточного рекрута — солдата, выслужившегося в офицеры. Тем самым разрушается эдакий миф о том, что в былые времена только люди “белой кости” могли продвигаться по службе.

“Вне службы”, тут уж и пропаганда молчала, всем известно, что от Ломоносова до Сытина и Суворина наших дней, великое множество ученых и выдающихся деятелей культуры были простого происхождения. Но “на службе”, особенно военной, ходу де не было. Такого же простого роду были и многие другие, не менее выдающиеся наши генералы.

Позволю себе пойти и дальше по пути “разоблачений”. Сколько хулы, например, приходилось слышать по адресу “самой мрачной” Царской реакции, эпохи Императора Николая I. Режим, про который “Голос Америки” только и делает, что повторяет разные “обличения” Герцена, скромно умалчивая, что это ведь была пора расцвета Русской культуры, времена Пушкина и Лермонтова. При этом же, как говорят, “архи-полицейском” (читай сродни советскому) режиме, Гоголь свободно писал свои бессмертные “Мертвые Души” и ставил “Ревизора”. Это не безобидный Зоценко, даже которому “там” ходу не дают.

Деникин-отец прослужил 22 года солдатом и сумел заложить прочные основы морали в душу своего сына. “Меня отец не поучал и не наставлял. Не в его характере это было. Но все то, что отец рассказывал про себя и про людей, обнаруживало в нем такую душевную ясность, такую прямолинейную честность, такой яркий протест против всякой человеческой неправды и такое стоическое отношение ко всяким жизненным невзгодам, что все эти разговоры глубоко западали мне в душу”...

Как видно, не так уж был плох дух, не так низок моральный уровень среди простых солдат этой “мрачной” эпохи. Живучи Суворовские заветы в Русской

армии. Прочно стоит она на фундаменте, заложенном Великим Петром. Ибо из книги явствует, что духовный облик Деникина-отца сложился именно в казарме. Деревенская семья его рано распалась: “родители отца умерли еще до поступления на военную службу, а брат и сестра разбрелись по свету. Где они, живы ли — он не знал. Только однажды, был еще тогда отец солдатом, во время продвижения полка по России, судьба занесла его в тот город, где, как оказалось, жил его брат, как говорил отец, вышедший в люди раньше меня... Смутно помню рассказ, как отец, обрадовавшись, пошел на квартиру к брату, у которого в тот день был званый обед. И как жена брата вынесла ему обед на кухню “не пустив в покои”. Отец встал и ушел не простившись и, с той поры, с братом никогда не встречался”.

“Мракобесом” и “ретроградом” (в истинном, а не партийном смысле этого слова), Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России, конечно, никогда не был. Он шел спасать Родину, свергать большевиков, а не восстанавливать “власть помещиков и капиталистов”. Разбирался он трезво и честно и в вопросе “национальностей”. Мать его была полька и сам он вырос в Царстве Польском. Но был он верным сыном Великой Страны — оберегал ее исторические границы и интересы. С грабителями, внутренними и внешними, ему было не по пути. Он шел восстанавливать живое тело “Великой и неделимой” и в корне отвергал *корыстную* помощь союзников. И после крушения белого движения, очутившись за рубежом, генерал Деникин остался верен себе — до конца пробыл стопроцентным “оборонцем”, противником

всяких “интервенций” — корыстного иностранного вмешательства, каковое, по его убеждению, грозило обокрывать Россию.

Тяжелая безысходная драма горячего патриота, не видевшего никакого просвета впереди. Ибо, как человек деловой и трезвый, он не мог стать соглашателем-эволюционистом и спокойно ждать, пока дела “там”, за железным занавесом, уладятся “сами собой”... И преждевременно сгорал, отображая живую совесть Великой честной России. Не суждено ему было дожить до лучших дней, увидеть зарю нового течения, надвигающейся настоящей “безкорыстной” интервенции, спасающего уже свою собственную шкуру запада...

Не восстановив Германии, не получив немецкого пушечного мяса. Но... расчлененная, ослабленная Россия станет верной добычей возрожденного пангерманизма. И, скрепя сердце, придется таки поступиться “федерацией” и отказаться от Кавказской нефти и от прочих Русских угодий. Ибо только могучий Северный Колосс, как показал опыт двух мировых войн, сможет быть надежным оплотом против нового “гитлеризма”. Увы, всего этого не придется уже увидеть Антону Ивановичу Деникину. Он ушел от нас, оставив нам свое незапятнанное имя и свои воспоминания — правдивые страницы славного Русского прошлого. Читая их, невольно преображаешься духом, отрываешься от пошлой действительности и начинаешь чувствовать себя тоже человеком — сыном Великой Родины.

М. Георгиевич.

„МОНАХ“

В 1910 году, я был произведен в офицеры, с назначением на службу в 25-ю Артиллерийскую бригаду, в Двинске. Старшим офицером моей батареи состоял тогда капитан Николай Владимирович Быстрицкий, о котором я всю жизнь вспоминаю с любовью. Он же был, одновременно, и заведующим хозяйством батареи, а я получил назначение делопроизводителем. Часто мне приходилось, помимо строевых занятий, сидеть с ним в канцелярии батареи за нашими общими бухгалтерскими расчетами и разыскивать иногда какие-нибудь казенные четверть копейки, неизвестно куда исчезнувшие, либо оказавшиеся в излишке сверх должного содержимого денежного ящика. В конце концов эти четверть копейки, конечно, находились и тогда мы, вздохнув с облегчением, беседовали на темы, прямо к делу не относящиеся.

Он был “боевой”, это значит, что он участвовал с бригадой в Русско-Японской кампании, а я тогда именовался только “молодым” и, действительно, по возрасту был младшим в бригаде. От него я узнал, что в бригаде имеются 14 серебряных Георгиевских труб, за бои под Мукденом и, вообще, многое о прош-

лой жизни бригады. Узнал я также от него, что в бригаде есть кубок-чарочка, поднесенная ее боевым командиром генералом Потоцким, в то время состоявшим уже инспектором Артиллерии Гвардейского Корпуса. Кубок этот, вместе с Георгиевскими трубами, хранился в денежном ящике Управления Бригады. Я увидел его впервые, когда был устроен бригадный завтрак в мою честь, по случаю моего совершеннолетия: бригада любила торжественно позавтракать или пообедать по всякому подходящему случаю.

Кубок был серебряный, формы снаряда, с оживальной головкой обращенной вниз и срезанным дном. На трех драконах, его ножках, он устанавливался на пьедестал черного дерева с серебряной доской сверху, разрезанной посередине. На ней было выгравировано кем и кому был преподнесен кубок. Когда она открывалась, образуя триптих, то на обратной стороне выделялась гравировка картины боев под Мукденом со всеми позициями и направлениями огня батарей бригады.

Будучи “героем” этого дня, я пришел в офицерское собрание много раньше других, и, желая убить время ожидания, поднялся наверх, в большой зал. Против

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ВОЕННАЯ БЫЛЬ".

Уже третий год, в Париже, Обще-Кадетским Объединением, издается военно-литературный и исторический журнал "ВОЕННАЯ БЫЛЬ". Начатый в апреле 1952 года, на ротаторе без всяких средств и, казалось, возможностей, в настоящий момент, журнал этот выпускает десятый номер уже напечатанный в типографии, начинает давать иллюстрации и распространяется по всем странам нашего разсеяния. Около сорока талантливых и бескорыстных сотрудников принимают участие в журнале и тем самым выполняют свой прямой долг перед Родиной, продолжая старую Российскую традицию участия военного сословия в создании Российской культуры. Вся техническая работа обеспечена добровольным участием кадет Объединения. Перед Издательством стоит единственная трудная задача — оплата типографских и почтовых расходов: Интереснейшего материала в распоряжении Редакции — больше чем достаточно. Вопрос только в том, чтобы его печатать.

Двадцать, имеемых, страниц номера совершенно недостаточно. Необходимо довести число их до тридцати двух и дать иллюстрации, то-есть иметь деньги не только на печатание но и на заказ клише. Чтобы журнал издавался именно в таком виде, то-есть на 32 страницах и с некоторым количеством иллюстраций, необходимо довести его продажу до 500 экземпляров каждого номера, то-есть, приблизительно, удвоить текущую продажу. Если каждый выйдет, каждый бывший Российский, военный примет участие в нашей работе, хотя бы просто покупкой журнала — результат этот будет достигнут очень быстро. Своевременная оплата полученного номера, что выполняется далеко не всеми читателями, тоже существенно поможет существованию и расширению журнала.

Надо твердо помнить что наш военный журнал не имеет никаких средств к существованию, кроме нашего собственного кармана. Никакие меценаты не оплачивают наших расходов, никакие балы и вечера не устраиваются в его пользу. Все должно быть сделано НАШИМИ СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ. И, как показали три года существования — это ВОЗМОЖНО.

Редактор и Издательство обращается с горячей просьбой к нашим читателям и друзьям: распространяйте журнал, рассказывайте о нем вашим друзьям, отыскивайте подписчиков. Мы берем на себя обязательство работать не покладая рук и делать журнал все более полным и интересным. Мы обращаемся ко всем военным писателям, историкам — шлите нам свои статьи, воспоминания, рассказы. Как только журнал окончательно станет на ноги, будет предпринято расширение Издательства, путем издания книг на военные и близкие темы. В первую голову предполагается издание "Сборника Российской Военной Поэзии". Такие и подобные книги будут издаваться по предварительной подписке но, это развитие дела начнется только после того как "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" окончательно и твердо станет на ноги. Мы повторяем: пятьсот подписчиков или хотя бы постоянных, аккуратно платящих покупателей, обеспечат бесперебойный выход нашего журнала.

| см. на обороте |

Параллельно с "ВОЕННОЙ БЫЛЬЮ", являющейся журналом исключительно военно-литературным и историческим, Обще-Кадетским Объединением издается уже четвертый год периодический, на ротаторе, журнал "ВЕСТНИК О.К.О.". Являясь до этого года исключительно органом связи и информационным бюллетенем внутренней жизни Обще-Кадетского Объединения начиная с № 25, то-есть с апреля 1954 года, он значительно расширен. Размер его доведен до двенадцати страниц, в нем регулярно помещаются Обзор зарубежной печати, статьи общественно-политического характера, сведения о жизни в СССР, полная хроника и все данные о жизни и развитии кадетского движения зарубежом и все последние информационные сводки. Выходит он каждые два месяца а, при надобности и чаще.

В Соединенных Штатах Северной Америки оба журнала, как "ВОЕННАЯ БЫЛЬ", так и "ВЕСТНИК" продаются у представителя полковника Владимира Ивановича Третьякова, по адресу: 69, Мейн-стрит Найак | Н.И. |

Цена отдельного номера в заокеанских странах:

"ВОЕННАЯ БЫЛЬ" - 80 ц.

"ВЕСТНИК О.К.О." - 20 ц. | для чинов О.К.О. - 15 |

Ф О Н Д И З Д А Т Е Л Ь С Т В А " В О Е Н Н А Я Б Ы Л Ь "

Совершенно самостоятельным путем, по инициативе отдельных друзей нашего журнала, в 1952 году было положено основание "ФОНДУ ВОЕННОЙ БЫЛИ". За два с половиной года собрано было в этот фонд почти шестьдесят тысяч франков. Редактор и Издательство с глубокой благодарностью обращаются к тем нашим друзьям, которые начали это дело и продолжают его поддерживать. Мы твердо надеемся что Фонд этот будет развиваться и дальше и те, из наших друзей и однокашников, кто обладает возможностью помочь несколько больше чем подписка или покупка номера примут участие в дальнейшем развитии Фонда.

СПИСОК ПОСВЕРГНОВАНИЙ В ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА "ВОЕННОЙ БЫЛИ".

1952 год. От: А.А.Лохлова-5000 фр., Н.А.Караченцева-1000 фр., М.М.Колтовского-500 фр., Т.И.Наджиниколтс-5000 фр., Е.Н.Коркуновой-400 фр., Е.М.Яконовского-100 фр., С.А.Кремер-375 фр.,

1953 год. От: М.А.Зайцева-2800 фр., Н.А.Караченцева-2000 фр., С.А.Кремера-700 фр., П.Г.Критского-2000 фр., А.А.Лохлова-5000 фр., Обще-Кадетского Объед. в Триесте-1000 фр., от братьев Тихонравовых-1000 фр., К.А.Гилленштейна-500 фр., В.Н.Срешкевича-600 фр., полк. Шевченко-200 фр.,

1954 год. От: М.А.Зайцева-550 фр., Стрижевского-100 фр., Грешнера-250 фр., В.П.Ефимова-1750 фр., И.Л.Булавко-200 фр., Пламеневского-100 фр., В.А.Протасовича-400 фр., С.И.Часовникова-300 фр., Известного-150 фр., Вильднер-400 фр., от бр.Тихонравовых-1000 фр., Отца Зноско-Боровского и г-на Евич-1500 фр., от В.П.Третьякова-1000 фр., В.А.Высоцкого-6000 фр., Тальвинского-50 фр., Н.М.Данчици-140 фр., Е.И.Соколова-400 фр., А.В.Балашова-300 фр., В.В.Скрябина-300 фр., А.А.Хохлова-5000 фр., А.А.Ветлица-350 фр. Итого: 52215 франков.

Из С.А.С.Ш.:от: В.Тулинцева-10 дол., Г.В.Месняева-3 д.40ц., Д.Корнилова-3 д., В.И.Третьякова-2 дол., Д.Атраскина-Неймана-1 д.40 ц., Н.Мурзина - 40 ц., В.Мантулина - 40 ц. ИТОГО: 20 дол.60 ц.

Отпечатано в Мастерской Обще-кадетского Объединения 28-VI-54.

входа на противоположной стене висел портрет Государя Императора. Справа от входа стояла витрина, где лежал альбом. На его кожаном переплете золотыми буквами было написано:

“La 25-me Brigade d'Artillerie de France,
à la 25-me Brigade d'Artillerie Russe”,

а над ней, в художественной рамке, фотография большого размера группы офицеров 25-ой Артиллерийской Бригады Франции. На длинной левой стене зала посредине висел портрет боевого командира бригады генерала Потоцкого и еще по бокам иные, среди коих портрет Георгиевского кавалера бригады капитана Гашкевича. Правая стена имела две арки — входы в библиотеку и гостиную.

Посмотрев вокруг, я остановился в оцепенении, ибо между арками на стене я увидел довольно большую фотографию лошади. Подойдя поближе, внизу ее, я прочел: “Жеребец “МОНАХ”, 6-й батарее”. Мне даже как-то стало неловко: строевой конь, да еще моей батарее, а я о нем ничего не знаю. Но надпись была короткая и ничего не поясняла.

Я спустился вниз и спросил у хозяина собрания:

— Анатолий Владимирович, я только что был наверху и видел фотографию жеребца “Монаха”. Что это за “Монах”, да еще моей батарее? Где он теперь?

— Как, вы разве не знаете? Он же у вас в батарее и теперь “на пенсии”, каждое утро бочку воды привозит. Вы же его видели.

— Видел, — сказал я, начиная невольно связывать события Русско-Японской войны с тем, что я знал от Николая Владимировича, — но почему же его фотография висит в Офицерском собрании?

— А, Борис Александрович, как это брат мой вам

ничего не рассказал? Во время Мукденских боев, при отходе с одной из позиций под огнем японцев, были поданы передки на батарею. “Монах” ходил коренным. Пять лошадей из запряжки были выведены из строя и он один, вопреки всяким расчетам теории повозок, сам вытянул орудие из боя и не отдал противнику. Понимаете? Один. Совершенно самостоятельно. Вот поэтому то портрет его и попал в наше офицерское собрание. Он герой. Когда его срок выбраковывали, его оставили в батарее на пенсии, в знак любви и признательности. Он теперь живет спокойно, на положении ветерана войны, только для прогулки привозит батарее бочку с водой ежедневно.

Времени до завтрака еще немного оставалось. Я пошел в батарею, вошел в конюшню. В конце ее находилось стойло, над которым была надпись “Монах”. Вороной, еще крепкий старик, добрый и простой, как все герои. Он ничего не рассказал мне о своем подвиге, вероятно из скромности. Но мне и не надо было, ибо я уже все теперь знал. Я любовно потрепал “Монаха” по шее и отправился в собрание. На пьедестале кубка я нашел то место, где “Монах” отличился. С этого дня я смотрел на него иными глазами — он был “боевой”.

До сих пор не могу я забыть эту трогательную историю подвига одного из наших четвероногих друзей. Нам не дано знать, но может быть он действовал не только по инстинкту, как принято говорить, а сознательно помогая человеку. Не знаю и судить не берусь. Я только правдиво рассказал о нем, полагая, что “Монах” заслуживает внимания и памяти.

Многое ныне исчезло. Нет и портрета “Монаха”. Но наверное, при иных условиях, портрет этого четвероногого друга и теперь висел бы в офицерском собрании против портрета своего боевого командира, потому что он был того достоин. *В. А. Николаев.*

КАДЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Председатель и Правление Обще-Кадетского Объединения извещают всех кадет Российских и зарубежных корпусов, что Царственный кадет 1-го Московского Императрицы Екатерины Великой корпуса, Великий Князь *Гавриил Константинович* принял на себя звание и должность Почетного Председателя Обще-Кадетского Объединения.

Председатель и Правление призывают всех кадет теснее сплотиться вокруг последнего сына нашего незабвенного Отца и Воспитателя. Да пошлет Господь нам всем здоровья и силы духа дожить до славного и близкого дня воскресения нашей Родины.

ПАРИЖ — 20 июня на могиле Бориса Дмитриевича Приходкина, по установившемуся у нас обычаю была отслужена Панихида по Великому Князе Константине Константиновиче и всем Российским кадетам в боях павшим, в смуте умученным и в мире скончавшимся. Проникновенное слово Владыки Сильвестра и вся торжественная обстановка Крестногохода и Панихиды, на фоне чисто Русской природы и Православного кладбища произвели на всех незабываемое впечатление. Присутствовало много париж-

ских кадет и делегации от Союза Пажей и Союза Русских резервистов Французской армии с их знаменем. По окончании Панихиды, с разрешения Великого Князя Гавриила Константиновича, старейший из присутствовавших кадет, кадет Первого Кадетского Корпуса Лихошерстов сказал несколько слов, в которых связал жизнь и труды нашего незабвенного Великого Князя с работой здесь в эмиграции Бориса Дмитриевича Приходкина, основоположника всего кадетского дела за границей. Торжество, как обычно, закончилось завтраком в церковной ограде у гостеприимного Отца Александра Ергина.

ОТ РЕДАКЦИИ «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

В № 9 “Военной Были”, за апрель месяц 1954 года, на стр. 17 был помещен, за подписью В. Р., прекрасный отзыв о первом выпуске “Июмского Изборника” причем отзыв этот предварен был нами пометкой, что “Июмский Изборник” является изданием Объединения 11-го гусарского Изюмского генерала Дорохова полка. Эта пометка ошибочна. “Июмский Изборник”, посвященный славному прошлому Изюмского полка, не является изданием названного Объединения.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получить:

Париж — в Конторе журнала — 59, avenue de Ternes, Paris (17^e); у А. П. Руссаковича 25, rue de Vanves, Boulogne s/S., и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Мюнхен — у А. Н. Михель — Ramsauer Platz 9, München 25.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — Caixa Postale 51-53.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — 69, Main-street, Nyack (N.Y.).

Канада — у А. С. Орлова — 47, Saint Patrik street, Toronto (Ont.).

Австралия — а) у В. А. Петрушевского — Fl. 2, 23 Longueville Rd. Lane Cove, Sydney (N.S.W.) б) у Н. А. Косса — 20, Devenport T-ce Wayville, Adelaide South Australia.

AB5